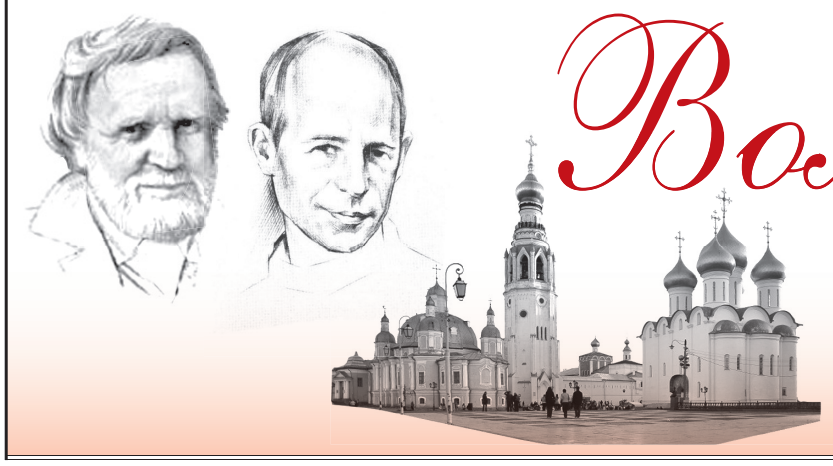
Прекрасно однажды в России родиться!
В. Коротаев

Вологодский ЛИТЕРАТОР



№ 2 (22), июнь 2018 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО О РОССИИ

* * *

Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим Богом, иначе невозможно понять, как оно существует.

Христофор Миних

* * *

Надежда мира, его возрождение придут из России... Именно в России возникнет подлинный и великий источник свободы... Это будет совершенно другой способ существования, базирующийся на принципе, который станет основой новой философии. Центром возрождающейся цивилизации будет Западная Сибирь, которая станет своеобразным Ноевым Ковчегом для людей, бесстрашно открывших себя эволюции. Да, в Западной Сибири уже идет накопление чистой энергии. Она защитит эту землю от разрушающего действия природных и энергетических катаклизмов. Западная Сибирь останется почти невредимой.

Эдгар Кейси

* * *

Мир поведёт к свету Россия, т. к. именно у нее есть тот свет, который необходим для духовной жизни.

Друнвало Мельхиседек

* * *

Есть один народ, который Геродот называет гипербореями. Нынешнее название этого народа – Русичи. Нельзя доверять их страшному упадку, который будет длиться много веков. Гипербореи познают и сильный упадок, и огромный расцвет... В этой стране гиперборeев, о которой никто никогда не думал как о стране, в которой может произойти нечто великое, над униженными и отверженными воссияет огненный Крест.

Парацельсус

* * *

Гордиться Славою своих Предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие.

А. С. Пушкин

* * *

В России, в душе народной, есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалуется о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни.

Н. Бердяев

* * *

Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...

Н. В. Гоголь

* * *

Я предвижу громадную будущность России. Конечно, и ей придется пройти через известные встряски и, может быть, тяжелые потрясения, но все это пройдет, и после того Россия воспрянет и сделается оплотом всей Европы, самой могущественной, может быть, во всем мире державой.

Т. Рузвельт

* * *

Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величеством твердой и громкой славы.

Петр Великий

* * *

Мы русские, а значит – мы победим!

А. В. Суворов

Людмила ЩИПАХИНА

РУССКАЯ ВИНА

Ты тем уж, русский, виноват,
Что территорией богат.
Что Бог тебе в наследство дал
И Север снежный, и Урал.
Сибирью прирастал простор,
Кольцом морей, громадой гор.
Все земли щедро населив
Народом сказочным, как миф.
И тем ещё ты виноват,
Что каждый ближний – друг и брат.
Что свято чтит и млад, и стар
Соборности великий дар.
Ты виноват, что сотни лет
Хранишь величие побед!
А беды злые сквозь года
Не забываешь никогда...
Грозит чужая сторона,
Мол, русским – велика страна...
Взорвать её, распять, спалить!
Всё отобрать – и поделить.
Не обольщайтесь, мудрецы!
За нами – деды и отцы.
С судьбой не затевайте торг.
Мы – русские!
Какой восторг!

Сергей ЧУХИН

* * *

Любовь к Руси необъяснима.
И в этом смысл, и в этом страсть!
Зачем тревожная осина
На горькой глине привилась?

Зачем из африканской дали,
Из той загадочной земли
Опять сюда прикочевали
Седые наши журавли?

Зачем багровые закаты
Среди вечерней немоты
Здесь так упорно, как солдаты,
Не покидают высоты?

Зачем на краткие недели,
А не на долгие года,
Покинув родины пределы,
Мы вновь торопимся сюда?

И где бы мы ни колесили,
Я знаю: будут до конца
На трепет горькой той осины
Ответно трепетать сердца.

Принимаются заявки на соискание второй литературной премии «В начале было слово» на сайте депутата Государственной Думы РФ Евгения Шулепова по адресу: eshulepov.ru

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Олег ЛАРИОНОВ

«НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ...»

У ЛЮБОГО государства есть вехи, особо значимые для его народа. Во Франции, например, это День взятия Бастилии. Для народов бывшего СССР – это 9 мая, День Победы в самой страшной войне за всю историю человечества, в которой наши деды и прадеды отстояли свободу, независимость и саму жизнь будущих поколений. И вот аналогичным праздником в новой буржуазной России «сверху» был назначен еще один такой праздник – День независимости России, впоследствии после многих неудобных вопросов переименованный в День России. Только его суть от этого не изменилась. Поводом к учреждению этого праздника стало принятие 12 июня 1990 года декларации о государственном суверенитете РСФСР от СССР. На деле же принятие декларации послужило спусковым механизмом для уничтожения великого государства, собранного нашими предками в течение веков. Советский Союз, как наследник Российской империи, и был великой исторической Россией, свободу от которой провозгласила самая большая ее часть – РСФСР. К чему это привело – мы воочию наблюдаем уже более четверти века. Одна Украина чего стоит!..

В результате нынешняя оскопленная Россия оказалась в американском «кольце анаконды» из глубоко враждебных, или недружественных образований, используемых как плацдарм первого удара по России – ядерного и бактериологического. Так была выполнена задача номер один, свершенная по воле клятвопреступников.

Задачей номер два Госдеп США поставил в то время полное уничтожение промышленности республик бывшего СССР. Успешное выполнение и этой задачи мы можем наблюдать сегодня хотя бы на примере нашей любимой Вологды.

Передо мной простирается территория площадью в несколько гектар. На ней располагаются остовы огромных цехов. Зайдешь в такой цех, и не знаешь, где он кончается. Еще здесь стоят обломки административных зданий, промышленных складов, железобетонных боксов для техники. Есть здесь дороги, останки трансформаторной подстанции, котельной, линии электропередач, в общем, всего того, что являлось когда-то необходимой инфраструктурой крупного промышленного объекта. Этот огромный домостроительный комбинат производил продукцию для возведения дешевого благоустроенного жилья и для Вологды, и для всей области. Многие тысячи квадратных метров жилплощади бесплатно получали вологжане ежегодно...

Увы, впечатление от руин этого гиганта – Вологодского домостроительного комбината, что в конце улицы Элеваторной, остается страшное. Как будто фашист в сорок первом сбросил сюда десятки авиабомб. Как будто дядюшка Трамп шарахнул на округу «томагавк» с ядерной начинкой, чтобы извести ненужный народ. Лишь остовы с проломленными крышами, выбитыми окнами, каркасы зданий, которым причинены чудовищные разрушения, вывороченные «с мясом» бетонные блоки... Только сделали это не заокеанские «партнеры», а доморощенные «реформаторы» по их заветам и рекомендациям.

Вот такие комбинаты до сих пор строят в Белоруссии бесплатное жилье для своих граждан, которые платят символические деньги за его содержание. А у нас Вологодский ДСК был признан нерентабельным, и его тривиально «бомбили» лет, наверное, пятнадцать. А что взамен? Элитное жилье

• **Окончание на 2-й стр.**

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Олег ЛАРИОНОВ

«НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ...»

• Окончание. Начало на 1-й стр.

«для состоятельных господ». Увы, не всякий смертный, повесив себе на шею петлю грабительской ипотеки, успеет получить заветные «квадраты» раньше собственной кончины. При этом банкир положит себе в карман в качестве бонуса еще одно такое жилье – за ваш счет.

Как-то президент РФ, посетив молодежный форум «Селигер», посетовал, что в России 700 тысяч аварийных домов. Надо думать, Вологда также внесла немалую «лепту» в их количество. И если бы последние двадцать лет не разрушали такие предприятия, как ДСК, в Вологде аварийного жилья могло не быть.

Впрочем, такая же история с «Электротехмашем», который возвел целый микрорайон для своих работников, со «Станкозаводом», с «Северным коммунаром», с оптико-механическим заводом (предприятие высокотехнологичного сектора экономики), с подшипниковым заводом, с вагоноремонтным заводом, с кирпичным заводом, с машиностроительным заводом, всех не перечислишь. Если на подшипниковом заводе в годы, когда власть принадлежала народу, работали 12,5 тыс. вологжан, а завод выпускал около 100 млн. подшипников в год, то теперь работает около 4 тыс. человек, а подшипников выпускается около 20 млн. штук. (Ходят тревожные слухи, что после смены собственника количество работающих будет «оптимизировано» до одной тысячи человек). Все эти предприятия подверглись либо «выборочному», либо полному разгрому и разграблению. Уничтожена система профтехобразования, и теперь квалифицированного слесаря днем с огнем не сыскать.

Полностью уничтожено Сухонское речное пароходство. «Реформаторы» разрезали и пустили на металлолом более шестисот речных судов, всю флотилию – самый дешевый в эксплуатации вид транспорта! Оставили лишь комфортабельные яхты для правящей «элиты». Вологжане лишились многих тысяч рабочих мест. И найти в Вологде работу сейчас весьма проблематично. Разве что – если повезет – охранником, продавцом, грузчиком в торгашескую сеть. Производства нет – оно разрушено. Зато недавно от высокопоставленных персон довелось услыхать бойкий рапорт: предприимчивые вологжане-де, пройдя «бизнес-инкубатор», «успешно» открывают новые предприятия.

Да, открывают. Например, торговую палатку с одним человеко-местом (кстати, их вскоре стали повсеместно сносить). Микрокредитную организацию с предоставлением займов под тысячу процентов годовых. Ломбардик, чтоб брать мзду с тех, кто попал в финансовый капкан. Интернет-магазинчик по продаже «пойла» в канистрах. «Рога и копыта»: за дешево купил, за дорого продал. И возникает простой вопрос – и долго еще будет это продолжаться?!.. Вот только ответ на него нужно искать не в Вологде.

Более четверти века назад мировая закулиса, поняв, что Советский Союз военным путем не покорить, взяла на вооружение иной способ. Найдя пособников и предателей внутри страны, ее развалили и поменяли форму собственности. Стратегические предприятия, на которых держится государство, включая военные, за бесценок передавались в лапы зарубежных «инвесторов», которые их впоследствии умышленно и методично уничтожали. Цель была одна – переломить становой хребет государства, обескровить, начисто лишить мирового конкурента в промышленности. А его сырьевые ресурсы отнять у народа и прибрать в «надежные руки». Населения в нашей стране, по публичному высказыванию Маргарет Тэтчер, должно было оставаться не более пятнадцати миллионов человек. И пьяный самодур и палач Ельцин на коленке в бане не глядя подмахивал нужные бумаги для международных аферистов и цэрэушников, превращая страну в колонию. А колонии ни промышленность, ни наука, ни человеческий потенциал не нужны. Плюс еще это неплохой рынок для сбыта низкопробного ширпотреба.

Стратегическая цель мировой закулисы исполнялась руками доморощенного коррумпированного чиновничества. То, что не сумел сделать Гитлер, успешно было реализовано в рамках и вне рамок закона.

Говоря о коррумпированности, не имею в виду традиционные откаты. Многомиллионные «зарплаты», которые никак не могут являться эквивалентом человеческого труда, – это, по сути, официальная форма подкупа и гарантия, что облеченный властью будет полнокровной марионеткой тех сил разрушения, которые им в действительности управляют. В том числе и крупного транснационального капитала, у которого нет ни родины, ни чести, ни совести.

Приведу простой пример. Миллиардер Генри Форд снабжал фашистскую Германию автомобилями всю войну. Даже когда американцы открыли второй фронт, он продолжал поставки, работая уже против солдат своей страны, против собственного народа. Ничего личного: бизнес. Подкупленное американское правительство не смогло (не захотело) изменить ситуацию, и Форда никто не посмел тронуть и пальцем. Американские солдаты гибли от боеприпасов, доставленных грузовиками своего именитого соотечественника, пока Советский Союз не поставил точку в войне. Таково истинное лицо хозяев жизни и их хорошо проплаченной обслуги, в том числе и в современной России.

Но вернемся туда – на руины Вологодского домостроительного комбината. Экскаватор-ветеран крушит стены цеха. Копошится группа рабочих из двух-трех человек. Бортовой «КАМАЗ» с «воровайкой» (так рабочие называют кран-манипулятор) грузит вырванные из стен балки и блоки.

– За товаром пришел? – спрашивают меня.

– Поглядеть пока, – приходится взять на себя такую роль, ведь с журналистом вряд ли кто захочет здесь разговаривать.

Выясняется, что некий предприниматель открыл на бывшем ДСК бизнес по продаже «бэушных» бетонных изделий по сходной цене. Он сидит неподалеку в своем синем «форде», который одновременно является офисом. Принимает деньги от небогатых дачников и застройщиков, которые приезжают сюда за старым стройматериалом. Закажешь фундаментные блоки – экскаватор их тут же выкорчует, а манипулятор загрузит.

– Сейчас новое купишь – не известно, что туда натолкли, все разваливается, халтура да обман... А здесь – сделано в СССР, по ГОСТам! – с гордостью говорит один из рабочих.

Разговор постепенно переходит на житье-бытье. Здесь стоит единственный в округе многоэтажный дом, построенный ДСК для своих работников. Раньше тут было шумно, хорошо работал транспорт. С разорением предприятия жизнь замерла. Место на отшибе, даже со льнокомбината несколько километров хода. Рядом нет ни одного магазина, пустыри. Автобус ходит один раз в час, а то и в два часа, а полдевятого вечера заканчивает движение. Люди безработные, поэтому очень рады и такой временной работе. Да, без всякого оформления, «черный нал», в зависимости от настроения начальника.

– А что нам это оформление! – говорит другой рабочий. – Сколько раз уже государство обманывало! Веры теперь нет, живешь одним днем! Зимой «бомбить» перестанем, вот будет проблема.

Еще одна проблема – плата за квартиру, которая составляет более десяти тысяч рублей в месяц. После ликвидации комбината дом подключили к отдаленной котельной, себестоимость отопления очень высока. Квартиру здесь, естественно, никто уже не купит. А жить-то как-то надо, деваться некуда.

Одному из рабочих полгода до пенсии осталось. Стаж у него выработан.

– Сколько тебе дадут? – спрашивают мужики.

– Как и всем, тысяч десять-двенадцать, не больше. Да и то вздохнется хоть полегче. Долгов за квартиру немерено...

– Смотрите, подняли зарплату полиции, прокурорам, судьям – чтоб нас в узде держать. А нас – в это самое окунули, – подводит итог тот, что за старшего.

Вот на этой невеселой ноте я и расстаюсь с мужиками.

– Надумаешь, непременно приходи – перемычки, поребрики, подушки – ни трещинки: сделано в СССР!..

Я уходил, и мне думалось: вот так, что построила Советская власть, власть нынешняя даже разгромить не в состоянии. Уже много лет кромсают ДСК, а конца-края ему не видно. Только вот построить и десятую часть таких объектов у теперешних «эффективных менеджеров» кишка тонка. Да и ни к чему им это.

Что ж, остается добавить, что разговор тот состоялся некоторое время назад. На днях я вновь съездил на бывший ДСК. Многих объектов, о которых рассказывал, уже нет, да и «шарашка» по добыче стройматериала больше не работает.

...Так где же взять обещанные государством 25 миллионов рабочих мест? На сносе других, не до конца еще угробленных предприятий? Чтоб дать их, эти 25 миллионов, ох, многое, что придется поменять. И, прежде всего, в головах тех, для кого день суверенитета России стал их национальным праздником.

СЛОВО О РОДИНЕ

ВОЛОКОВОЕ ПОЛЕ

СРАЗУ за нашим домом начинается большое, трудное к обработке Волоковое поле. Трудное потому что на склоне, потому что глинистое и каменистое. Но главная трудность заключалась в определении его готовности к обработке.

Сырая почва тащится за агрегатами и уплотняется, пересушенная никаким способом не разделывается до нужного состояния. Если же удалось угадать тот момент, когда почва крошится, гарантирован хороший урожай отборного полноценного зерна. Многие века кормило это поле православных, многие века это поле было домом для зверей и птиц и никогда их не подводило. Любо было слышать весенним утром токование тетеревов, слышать щебетание, посвисты птичьей мелюзги, радостные крики прилетевших журавлей, и видеть перелёты огромных стай полевых рябчиков. А летними вечерами первозданную тишину нарушал и оживлял таинственный «бой» перепелов. Чуден мир детства, жаль, что не вечен. Жаль, что приехавшие погостить ребятишки уже не увидят и не услышат того, что видели и слышали мы, и что потерялось в вечных баталиях человечества за место под солнцем, за полный живот и кошелёк. Довоевались! Живёт ещё поле, но, как и многие поля России, заброшено, не ухожено. Скоро некому будет восхищаться его весенним пробуждением. Не у кого будет спросить, почему оно так названо. А всё очень просто: дальняя оконечность поля упирается в пронизанные конными волоками хвойные леса. Словно нити трудолюбивой швеи, вышивающей замысловатый узор, волока связывают между собой деревеньки и хутора, образуя единую общность, крепя трудовые, торговые и родственные связи.

Эти же волока выводили деревенских жителей к трактам, по которым можно было доехать до больших и малых городов. По этим волокам уходили в армию прадеды, деды, отцы, сыновья, по ним же возвращались те, кто остался в живых. Слышим ли мы, как ликовали их души при первом же шаге на залитую солнцем обочину родного поля? Как плакали, задыхаясь и вскрикивая, матери тех, кто не вернулся? Не слышим, видимо, коль позволяем себе бросить ту землю, за каждую пядь которой заплачено горячей родственной кровью. Не оттого ли так неспокойно, а иногда и неправедно проживаем отпущенные нам дни?

Не знаю, как ощущают Родину люди, родившиеся в мегаполисах, но для большинства жителей севера это чувство накрепко связано с полем, волоком, рекой и лесом. И если лес и река существовали как бы сами по себе, то поле и волока постоянно требовали человеческого участия. Труда.

Казалось бы, что в этом хорошего? Гни спину день и ночь. («Добывай в поте лица своего, хлеб свой»). Но усталость от труда стократно окупалась радостью от его результатов. Не было и, смею утверждать, нет человека, которого бы не восхищало тучное, волнами переливающееся хлебное поле, не вызывал бы восторг разлив голубого цветущего льна, не радовал бы тяжёлый, хлебом пахнущий поток золотого зерна, падающий из шнека комбайна.

В редкие минуты отдыха, казалось бы, усталые и забитые бытовыми проблемами люди находили возможность украшения жизни праздниками, творчеством, поднимаясь в творениях своих к духовной радости, утверждая тем самым величие человеческое и его приближённость к Богу. Не отсюда ли такая разная речь в близких деревнях, разные узоры на одежде, поразному вырезается деревянная утварь. Стремление сделать лучше, вышить красивее, сказать доходчиво и ёмко подарило будущим поколениям такие шедевры искусства, что мы до сих пор восхищаемся ими. У нашего поэта Сергея Викулова есть такие строки:

«Всему начало – плуг и борозда.
Поскольку борозда под вешним небом
Имеет свойство обратиться хлебом.
Не забывай об этом никогда!»

Трудно сказать лучше.

Поле жизни, волока, с помощью которых мы расширяем кругозор, труд во благо; это непоколебимые основы жизни. Сейчас так не считается. Редкостью на севере стало колосящееся золотом поле. Да чего там, деревень и жителей в них всё меньше и меньше. Если бы на месте каждой деревни поставить памятный крест, то на модных сейчас съёмках дронами мы бы увидели сплошные кресты, памятные и безмолвные. Не отсюда ли это рубцовское: «Кресты, кресты. Я больше не могу». Горько и больно это осознавать. Из суеты больших городов не видно, как рвётся на части сердце человека, навсегда покидающего родные места. Не понимает он: кому помешал, проживая в деревне, с минимумом запросов и претензий. Почему стал лишним его хлеб, когда в мире полно голодающих? Чем лучше жизнь в провонявших отходами человеческой деятельности городах, жизни в чистоте и ладе деревенских отношений? Если городская жизнь и впрямь лучше, то зачем, получая отпуска, рвёмся мы в деревню, к речке, к полю, к лесу; чаще к тем, о которых нам рассказывали родители. Слово патриотизм, всего-на́всего – любовь к знакомому. Придёт время, и мы узнаем, что это чувство присуще любой пичуге, лосю, рыбе и даже киту. И они тоже возвращаются на свои родные поля, в свои заросли смородины, в свои реки и моря. А всё потому, что там безопасно, потому, что там есть всё необходимое для жизни, потому, что знакомо. И понятным становится воинственность местных обитателей, когда в родных им местах появляются непрошеные гости.

Поле Волоковое. Не большое, по меркам южных полей. Но Родину не измерить гектарами и сантиметрами. Как не измерить часами и минутами время нашей жизни. Но можно его запомнить и рассказать тем, кто начнёт свой путь позже. Показать жизнь такой, какая она была и где-то ещё есть, с её радостями и невзгодами, с подлостями и благородством и обязательно с любовью. Дай Бог, чтобы то, о чём мне удалось написать, нашло отклик в вашей душе. Дай Бог, чтобы русское поле дождалось новую весну, а по знакомым из рассказов родителей волокам в родные места вернулись их дети и внуки. Дай Бог!

Николай АЛЕШИНЦЕВ

* * *

Опять на небесных угодьях
Пасутся созвездий стада,
И месяц купает поводья
В зеркальном покое пруда.

То клевером пахнет, то мятой,
А звезды дрожат на весу...
Люблю бесконечно и свято
Негромкую эту красу.

Не хочется сердцу расстаться
С землей, что не сыщешь милей!
Мне только б успеть надышаться
Привольем родимых полей!

А там, за неведомым *где-то,*
Мне помниться будет всегда
Сиреневый шелест рассвета
Над розовой гладью пруда.

Да будет по-прежнему сниться
Костер на крутом берегу,
Над лесом притихшим зарницы
И кони на мокром лугу...

ВОЛОГОДСКАЯ ЗИМА

Пролетели гуси-лебеди,
Уронили по перу.
Поселились вьюги белые
В нашем северном бору.

Пусть ровней дорога стелется.
Я приду к тебе сама.
Ты мети, мети, метелица –
Вологодская зима!

Ничего, что окна в инее,
Мне тепло от добрых лиц.
А мороз узоры дивные
Взял у наших кружевниц.

Горячей заря от холода
Разгорится поутру,
И в снегах сияет Вологда,
Словно чернь по серебру.

Пусть ровней дорога стелется,
Я приду к тебе сама.
Ты мети, мети, метелица –
Вологодская зима!

* * *

Закружатся снеги над землею,
Мне пора настанет уходить.
Тополь с непокрытой головою
Выйдет на дорогу проводить.

И метель закроет взмахом шали
В дорогом окошке огонек.
Унесу в заснеженные дали
Грусти затеплевший уголек.

А когда в чужом краю придется
Мне тоской по дому заболеть,
Я о том, как родине живется,
Попрошу у ветра песню спеть.

И увижу,
лишь глаза прикрою,
Чтобы память вспыхнула светлей.
Голубой весеннею порою
Белый пух, летящий с тополей.

* * *

Наводя весенние порядки,
Воробьи над крышами кружат.
В огороде вспаханные грядки
Целый день на солнышке лежат.

И с утра, качаясь шаловливо,
Только вспыхнет неба бирюза,
У стены лохматая крапива
Так и брызжет зеленью в глаза!

Одуванчики все ждут кого-то,
На траве расселись у ворот.
Хочется, забыв про все заботы,
Убежать в их желтый хоровод.

ГЛЯДЯ НА КАРТИНУ

Там серебрится вечер кроткий.
Там неизменны навсегда
И отдыхающие лодки,
И безмятежная вода.

Там облака без сожаленья
Плывут и тают над рекой.
Огни забытого селенья
Сулят надежду и покой.

Смотрю, смотрю неутолимо,
Как будто вспомнить не могу.
Кто ждет меня неутомимо
На этом тихом берегу.

* * *

Ушел,
Не обещая встречи.
И стало проще и больней.
Как зябко вздрагивают плечи,
Как пусто
В комнате моей!

Иду туда
Искать участья,
Где речка с берегом
Вдвоем.
Но, подглядев
Чужое счастье,
Сильней тоскую
О своем.

Мы стояли в преддверьи разлуки
И поверить тогда не могли,
Что любовь обрекаем на муки,
Уходя по дорогам земли.

Между нами – немыслимой далью –
Дремлют сёла, шумят города...
Над вечерней бескрайней печалью
Стынет нежности нашей звезда.

* * *

Маме

Ярко-алый цветок олеандра,
Аромат горьковатый даря,
Помнит имя твоё – Александра...
А за окнами тает заря.

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Наталья СИДОРОВА

Белый пух, летящий с тополей...

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Что-то станется,
сбудется с нами?

Отчего потемнело
кругом?
И рябина,
бледнея цветами,
Покачнулась
под нашим окном.
Не упавшего ливня тревога
Как предчувствие первой слезы.
Снова замерли мы у порога,
Услыхав приближенье грозы.
Налетит – и покой наш
нарушен.
Что останется
после нее?
Очищеньем спасенные души
Или мрак,
пустота,
забытье?..

ВЕЕР

Мой веер чудесный – заботливый друг.
Его не хочу выпускать я из рук.
Он радужно легкий раскинет наряд,
Узором цветным очарует мой взгляд.
Как бабочка нежно взмахнет он крылом
И губ моих скроет капризный излом.
То жгучую память о встрече тайком
Внезапно навеет своим ветерком.
А если в груди – за ударом удар
Остудит мой веер сердечный пожар.
В минуту все грустные мысли развеет,
Играя, о счастье напомнить сумеет...
Из жаркой страны привезенный на север,
Наполненный воздухом маленький веер.

* * *

К торжеству давно готово,
Собирая птичий хор,
В изумрудном и лиловом
Лето вышло на простор.

Будут травы, будут росы,
Хороводы мотыльков,
Даже огненные осы
Затанцуют средь песков.

А сегодня теплым утром,
Где кудрявится лоза –
Золотая с перламутром
Поселилась стрекоза.

Это – яркий праздник лета,
У него полно затей:
Много воздуха и света,
И таинственных гостей.

РАЗЛУКА

В долгих странствиях силы теряя,
Красоту и беспечность отдам.
Всё исчезнет, под небом сгорая,
Лишь любовь неподвластна годам.

Всё мне слышатся нежные речи,
Всё мне помнится тихий закат;
И последнее таинство встречи,
И подаренных роз аромат.

Новый день зашумит, захлопочет,
И цветок отцветёт без тебя,
Только сердце забыться не хочет,
Всё былое навеки любя.

Тонких листьев живою прохладой,
Вспоминая тепло твоих рук,
Тайной вестью и тихой отрадой
Вздрогнут ветви нечаянно вдруг...

* * *

Много дней так молилась молитвой одной
Всей душой, истекающей кровью:
За холодное слово, за взор ледяной!
Накажи его, Боже, любовью!

Гордо жил, ни чужих, ни своих не щадя,
Вновь кричу голубому безмолвью:
Он не ведает страха предсмертного дня,
Вразуми его, Боже, любовью.

И когда заплутал, погибая во лжи,
Сам себя предавая злословью,
Все молила: у края спаси, удержи,
Подними его, Боже, любовью.

Ну а если заплачет над жизнью своей,
Ангел тихий, склонись к изголовью.
Ради долгой и горькой молитвы моей
Награди его, Боже, любовью!

* * *

Не плачь, душа, не плачь о юных
днях прекрасных.
Мелькнула молодость, как яркая звезда,
Средь мелкой суеты, среди
тревог напрасных.
И лишь Господь с тобой всегда.

О счастье на земле мечты
давно умолкли,
И в памяти больной сверкают иногда
Обманутых надежд печальные осколки.
И лишь Господь с тобой всегда!

Когда настанет срок, и нас
о том не спросят,
Уходят ближние неведомо куда,
Они любовь свою таинственно уносят.
И лишь Господь с тобой всегда.

Не плачь, душа, не плачь,
в молитве утешенья
Искала ты, как сладость райского плода.
Проходит все: и страх,
и горечь искушенья,
И лишь Господь с тобой всегда!

СРЕТЕНИЕ

По дорогам февраль
Гонит снежную пыль.
Затихает печаль,
Вспомнив нежную быль.
Быль далёких времён,
Как душа мудреца
В свитке детских пелён
Повстречала Творца.

В белом храме светло.
Дым кадильный разлит.
Стало сердцу тепло
От дыханья молитв.
И не страшно уже
Будет в трудном пути.
Ныне с миром в душе
Ты меня отпусти.

На дорогах судьбы
Кто любви не просил?
От тоски и борьбы,
Выбиваясь из сил.
Милосердный Господь,
Всех прощаешь, любя.
Средь житейских невзгод
Только б встретить Тебя.

* * *

Эту ложь кто придумал,
что будто бы сладко
Задыхаться удушливым чадом страстей?
Пусть над миром царит вековая загадка,
Птицей вырвись, душа,
из проклятых сетей!

Не оплакивай день, угасающий ало.
От предчувствий полета
в ночи холодей.
Все оставишь земле, что недолго сияло.
Ветер вечных высот
дышит в души людей.

* * *

Ах, что же со мною случилось?
Нечаянно встреченный взгляд –
И словно с бедой обручилась
И пью этот гибельный яд.

На миг доверяюсь надежде:
Не поздно еще, убегу –
И буду свободна, как прежде,
Гостить на своем берегу.

Но в прошлом смешно укрываться,
Сжигаю, сжигаю мосты,
Не в силах уже оторваться
От зыбкой, манящей мечты...

ОЖИДАНИЕ

В который раз
Листвой заносит
Мое печальное
Крыльцо.
Все чаще снится
В эту осень
Почти забытое
Лицо.
Брожу одна
В продрогшем поле
И тишину
Благодарю.
Опять о нашей
Странной доле
С холодным ветром
Говорю.

Пусть жизнь по капле
Расплескалась.
Назад и звука
Не вернешь.
Ах, мне бы только
Знать осталось,
Что ты когда-нибудь
Придешь.

* * *

Застыла ивой придорожной
В плену у медленной зимы.
За чем ты шел, неосторожный?
Зачем не разминулись мы?!

Тебе, я знаю, тоже больно.
Колючий снег лежит кругом.
Прости,
что ранила невольно,
Прости,
что плачу о другом.

* * *

Зачем, зачем душа должна любить,
Когда напрасны поиски кумира?
И жизнь сама не может искупить
Все зло и несовершенство мира.

Зачем торопим будущий рассвет,
Жалея то, чего не замечали?
Бежим короткой радости вослед,
Страшась порой живительной печали.

И жажду жить, и волю умереть
В себе вмещает разум человечий.
Все видеть! Понимать! И не сгореть
На адовом огне противоречий!

ПРОЗА ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

В добрый путь!

У писателя есть свои, профессиональные радости. Любое чувство можно вообразить, придумать, более или менее достоверно передать, потому что большинство чувств присуще всем людям. Это общие чувства. Но есть такие чувства, которые не вообразить, не придумать. Такое чувство, чувство радости узнать о новом писателе, я испытал, когда читал рассказы и повести Людмилы Кузнецовой. Радостно и то, что Людмила – моя землячка. Знать, не оскудела родная вологодская земля талантами.

Я познакомился с творчеством Л. Кузнецовой, когда читал рукописи авторов, представленных на конкурс «В начале было слово». Её рассказы сразу выделились из общего потока, весьма, надо сказать, полноводного и прихотливого. Тут была и фантастика, и детская литература, и сочинения сюрреалистического толка, от которых голова шла кругом. Но прочесть я был обязан всё. Когда наступила очередь рукописи Л. Кузнецовой, от неё на меня повеяло свежим дыханием, добротным реализмом. Первым я прочитал рассказ «Картина Репина». Рассказ небольшой, но живой, задевающий. Я сразу увидел и деревню, где происходит действие, и художника, и главную героиню. Взгляд на деревню настоящий, без удивления или сюсюканья. Сейчас бóльшая часть русского народа живёт в городах, в деревне бывает наездами и нередко горожане смотрят на деревенский люд не как на часть своего народа, а как на объект изучения. Л. Кузнецова смотрит на деревенских жителей взглядом В. Белова, как на людей своих, близких, родных.

Радостно удивила неожиданная концовка и, главное, привлекла мысль рассказа. О том, что искусство преображает человека, преображает окружающий человека мир.

Впрочем, неожиданность концовки, оригинальность сюжетных ходов писательницы заставляет вспомнить французского писателя П. Мериме, например, его рассказ «Этрусская ваза».

Интересен рассказ «Габи». Он тоже невелик по объёму, но оставляет впечатление о несомненной талантливости автора.

Л. Кузнецова уверенно чувствует себя и в жанре повести. Об этом свидетельствует большая повесть.

Повесть написана в жанре детектива. Кто-нибудь поморщится: детектив – это пошло, сейчас все «клепают» детективы. Но в этом жанре, кстати, написаны великие романы Ф. М. Достоевского. Дело не в самом жанре, а в том, как автор использует его, какие художественные задачи ставит перед собой, и как их разрешает.

В повести обрисована повседневная жизнь районного отдела милиции, открыта неведомая нам её жизнь, обычно приукрашенная в многочисленных, так называемых, ментовских сериалах. Правда, иногда автор увлекается натурализмом, что говорит о её неопытности. М. А. Булгаков, к примеру, не впадая в вульгарный натурализм, краткими, но выразительными, яркими штрихами показывает морг в «Белой гвардии».

Но проза живая, реалистичная.

Прошло немного времени после семинара, и вот передо мной уже рукопись книги Л. Кузнецовой «Другое измерение», которая позволяет взглянуть на творчество писательницы шире и глубже. Понятно, что рукопись была уже готова в дни, когда проходил семинар, но автор представила из него фрагменты книги.

Признаться, я принялся читать рукопись с опасением. Бывает так, что человек напишет две-три вещи и на этом его творческий пыл иссякает.

Но чтение рукописи рассеяло мои опасения. Я читал её со всё возрастающим интересом.

Чем дальше я читал, тем явственней убеждался, что это не мимолётный пыл, не временная вспышка, выхлоп творческой энергии, передо мной предстал человек с настоящим литературным дарованием, человек, пишущий не вследствие настроения, а потому что не может не писать, у человека налицо писательский взгляд на мир, писательская психология.

В рассказах присутствует и реалистичная взрослая проза, и детские сюжеты, а также чистая, сказочная лирика («Фея на час», «Желаю чуда»).

В рассказе «Другое измерение» тонко, ненавязчиво поднимаются вопросы духовности, и видишь, что участковый милиционер и люди, к которым он приехал разбирать дело о краже, действительно живут в разных мирах, в разных измерениях.

Особо ценно то, что у Л. Кузнецовой есть своя интонация. Сейчас много людей пишет (особенно в наше время, просто девятый вал беллетристики), но своя интонация бывает у единиц. Как мы отличаем произведения композиторов? По интонации.

Книга интересная, своеобычная, надо издать её. Такой книги ещё не было в вологодской литературе. Читатели получат хороший подарок.

Небольшие замечания. Надо заменить слово «Байки». Байка в моём понимании – это забавная, шутливая быличка, иногда с долей так называемой придури. Но в этих «Байках» Л. Кузнецовой, под названием «Ещё один ребёнок», рассказывается о бедной, до предела истощённой девочке, мать которой садят в тюрьму. Рассказ написан так, что у меня по сердцу заскребло. Какая же это байка? Я бы выделил этот эпизод в отдельный, самостоятельный рассказ.

Замечательный рассказ «Урок испанского». И концовка опять неожиданная, кузнецовская. Я читал и думал: «Как она кончит рассказ, как вывернется?» А она так вывернулась, что у меня у самого, как у Липы, слёзы навернулись на глаза. Этот рассказ в былое время украсил бы любой столичный журнал, но, к сожалению, мы сейчас живём в такое время, что журналов-то хороших и не осталось. А те, что остались, требуют, чтоб им давали «экшн». Что это за гадость – я не знаю, но в рассказах Л. Кузнецовой живут и страдают живые люди, к которым этот самый «экшн» не имеет ни малейшего прикосновения. А редакторы журналов печатают самих себя, своих родственников и «корешей».

Все рассказы проанализировать невозможно, да это и не нужно. Перед нами сложившийся писатель, чему можно только радоваться и что необходимо только приветствовать.

Роберт БАЛАКШИН,
лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе

Людмила КУЗНЕЦОВА

ЖЕЛАЮ ЧУДА

(Сказка для взрослых)

– Тук, тук.

– Кто там?

– Весна.

– Да ладно! – Зима, скучавшая в одиночестве, сноровисто подбежала к дверям и отодвинула щеколду.

На пороге, действительно, стояла Весна. Она была не в духе. Насупив брови, кутаясь в цветастый платок, притоптывала от холода серыми валенками в галошах. Гостья в этот момент, как две капли воды, была похожа на хмурый и непостоянный подшефный ей Март. А был он медлительный, ленивый, всегда чем-то недовольный, долго запрягал и не спеша ехал. Зима ещё раз окинула Весну взглядом.

– Чего надо? – недовольно спросила хозяйка.

– Пусти,– простуженно прохрипела Весна и, толкнув замерзшими ручонками дородную родственницу в грудь, попыталась протиснуться в дверной проём.

Зима усмехнулась и не двинулась с места. Никогда Весна не являлась к ней в дом в канун Нового года, и это было более чем странно. Бывало, конечно, что Март от скуки захаживал в феврале, а то и в декабре оттепель устраивал. Но чтобы сама расфуфыренная неженка Весна навестить изволила, такого Зима не припоминала. Любопытство взяло верх, и Зима, отступив вглубь сеней, сделала гостеприимный жест рукой, приглашая войти нежное создание.

Разговор начался не сразу. Пришлось растапливать камин в комнате для гостей, ждать, покуда Весна оттает и сможет спокойно беседовать. Хозяйка тепло не любила и поэтому села на лавку под окно. Через щели оконной рамы приятно дул родной северный ветер.

– Говори, зачем пришла,– повелительно сказала Зима, раскуривая старую-старую трубку, затягиваясь и выдувая из неё снопы снежинок, улетавших к потолку и оседавших на деревянных балках.

– Ты в этом году какого числа в регион заявилась, не забыла? – язвительно произнесла Весна.– Двадцать первого октября. Вот! Осень ещё не со всех деревьев листья успела убрать, а ты уже снегу набросала столько, что дворникам пришлось за лопаты браться. И бродила по сугробам две недели. Снег даже не таял. Ты пришла почти на полтора месяца раньше и поэтому я хочу, чтобы празднование Нового года ты отдала мне. Ты свой срок в этом году уже отмотала. И должна мне уступить.

– Фи,– поморщилась белолицая красавица в пушистой шубе,– какой жаргон. Отмотала срок... Я всегда подозревала, что Март оказывает на тебя дурное влияние. Понахваталась у мальчишки. В моём доме, сударыня, прошу вести себя подобающим образом.

Щёки Весны заметно порозовели то ли от согревающего её тепла, то ли от стыда. Она стянула с головы платок и поправила веночек из мимоз.

«Прошлый век, никакого вкуса,– подумала старшая собеседница.– Эх, Северо-запад. И Весна здесь какая-то не дошлая, и Лето куцее, да и Осень совсем никакая. Одна я, раскрасавица, в полном расцвете сил».

Она ещё раз обвела взглядом худенькую фигурку Весны в прозрачном платье. Тонкие волосёнки топорщились из-под венка. Весна украдкой вытирала оттаявший носик широким шифоновым рукавом.

– Уж если я кому и должна две недели, так никак не тебе, голубушка. А Осени. А с ней у меня свои личные дела. Договорённость у нас была заранее. И в подробности я тебя посвящать совсем не обязана.

– Да ты пойми! – горячо заговорила Весна, соскакивая с деревянной лавки.– Жизнь проходит, старость не за горами, а я ни разу на Новогоднем празднике не была. А мне так хочется. И ведь только в Новогоднюю ночь настоящие чудеса случаются. Я желаю чуда, счастья. Быть может, я свою судьбу встречу именно в этот праздник.

– Какая старость, какие праздники? – возмутилась Зима.– Мало тебе Международного женского дня, когда всё мужское население тебя превозносит, восхваляет? У тебя ещё день Труда есть и этот... как его? День космонавтики! Куда уж чудесней! Летай – не хочу. А-а-а! Я теперь поняла. Это ты в прошлом году в конце декабря Марту приказала снег в городах растопить так, что новогодние ёлки на площадях посреди луж стояли. Да уж, добавила ты мне тогда седых волос. Да и в этом декабре, надо честно признать, старику покоя не даёшь. Меня ни во что не ставишь, так хоть пенсионера пожалей. Тяжело ему, не под годы с тобой соперничать.

Весна снова нахмурила лиловые брови и неожиданно проворчала.

– Да выключи ты уже свой патефон. И так тошно.

Зима прислушалась. Из соседней комнаты доносилось шуршание грампластинки и вполне качественная запись песни: «Постарею, побелею, как земля зимой. Я тобой переболею, ненаглядный мой». Противоборствующие стороны смолкли, вслушиваясь в текст. Неожиданно к мелодии присоединился еле слышный звук скрипящего снега. Времена года взглянули друг на друга и побежали к входным дверям. Толкаясь в дверном проёме, они с шумом появились на крыльце. Впереди, подперев бока кулачками, встала Зима, шурша искусственными белыми мехами, бренча прозрачными стразами. Из-за её плеча пыталась выглянуть худенькая, низкорослая Весна, которая, очутившись на морозном воздухе, тут же стала хлюпать покрасневшим носом.

Через дебри на лыжах к дому пробирался развесёлый невысокого роста мужик лет сорока. Увидев представительниц женского пола, он радостно замахал лыжной палкой.

– Женщины милые! – хохотал он, обнимая их поочерёдно на крыльце.– Что бы я без вас делал? А ничего бы не делал. В дом, в дом! Скорее. Ишь, дочка-то замёрзла.

Мужик, не дожидаясь приглашения, затащил в сени лыжи, снял со спины большущий рюкзак и поспешил с ним в комнаты. Там он, продолжая смеяться, стал выкладывать на стол съестные запасы. С особой бережностью вытащил бутылку водки.

– У нас с друзьями традиция,– продолжил он весело,– каждый год, вернее, это было всего один раз, в прошлом году, мы с друзьями отмечаем Новый год в лесу. На лыжах добираемся до лесной заимки. Там праздник продолжается. Жжём костёр. Произносим тосты. Кое-кто берёт с собой ружьецо и даже пытается охотиться неизвестно на кого. В общем, праздник проходит весело! Но в этом году, женщины, я заблудился. Сам не понимаю, как это вышло? Ещё до назначенного пункта не дошли, а я вдруг отстал. Поднялась метель, не видно ни зги, лыжня вдруг пропала. То ли снегом занесло, то ли стемнело быстро? И тут вы, дорогие женщины, ваш спасительный ковчег. Огонёк в окне и дымок над крышей. Вы не представляете, как я был рад! Позвольте представиться. Денис Артемьевич, парикмахер, по-современному – стилист. Хотя я это слово не люблю. Лучше – цирюльник. У нас в семье это дело наследственное. Я – лучший парикмахер района. Прошу прощения, что я уже, как говорится, под градусом. Но сами понимаете, что без согревающих напитков такой путь на лыжах я бы не смог преодолеть.

Он протянул руку Зиме, и та, сунув ладонь навстречу его ухоженным и длинным пальцам, с достоинством ответила:

– Зима. Зима Ивановна.

– Ха, ха, ха,– рассмеялся стилист, оценив шутку. Он чмокнул протянутую руку и вежливо поклонился стоявшей рядом женщине.– А Вы, я так полагаю, Весна? Весна Мимозовна?

Он продолжал веселиться. А Весна утвердительно закивала головой в знак согласия.

– Надо же! Расскажи кому, что Новый год встречал с Зимой и Весной, в жизнь не поверят.

А что, до города отсюда далеко? А то мне завтра нужно быть дома. Через день на работу. Красота, она, знаете, выходных не признаёт, и женщины хотят выглядеть красивыми всегда. Так что у нас с дорогой в город?

Зима и Весна переглянулись.

– У меня все заняты. Сама понимаешь, праздники. Вызывай Март, что ли?

– Давайте позовём Марата! – обрадовался стилист.– И давайте произнесём первый тост. За Марата!

Он разлил водку по хрустальным стаканам, которые сам же и достал из хозяйского шкафа и поднял вверх один из них.

– Ну? – вопрошающе взглянул он.

Зима подумала, почему она терпит всё это безобразие? Но если Весна хотела отпраздновать Новый год, что ж, пусть получает удовольствием. Она взяла стакан, на дне которого плескалась противопоказанная ей огненная вода, и храбро произнесла:

– За Деда Мороза!

...Март притащился на дровнях и худосочной кобыле к третьему тосту. Выглядел он, как всегда, нехорошо, серый, хмурый, недовольный. Присоединившись к застолью, он заметно повеселел. Зима мошенничала при помощи широких рукавов и, с мастерством фокусника, переливала свою долю в чужие стаканы. Стилист вконец опьянел не столько от водки, сколько от Весны, которая по всей избе распространила запах цветущей черёмухи и первоцветов.

– Какой тонкий парфюм! – восхищался стилист и спрашивал: – Париж, Лондон, Рим?

– Ну что Вы,– смущалась Весна,– я там ни разу не была. Но в Европе у меня живёт сестра!

К танцевальной программе перешли довольно быстро. Март менял грампластинки на патефоне. Весна прыгала по горнице, наступая на ноги и Марту, и стилисту. Зима на всякий случай не выставляла ног из-под стола. Пригодятся ещё.

Пусти весну в дом, она тебе тут же слякоти и наделает. Зима с неудовлетворением заметила, что прежде чистые половицы затоптаны мокрыми валенками. Надо было тапочки предложить. Сейчас уже поздно. В зазорах между брёвнами, законопаченных мхом, пробиваются подснежники, и прямо на глазах распускают бледно-голубые лепестки. Ещё полчаса, и дом будет похож на цветущую клумбу. К трём утра Денис Артемьевич всё же уснул. Его общими усилиями перенесли в дровни, забросали сеном и незваные гости, наконец-то, отбыли.

Провожая их взглядом, Зима поняла, что Весну в этом году она не увидит, возможно, до мая. Начав уборку, Зима наклонилась было, чтобы вырвать угнездившиеся между брёвен цветы, но вдруг замерла с протянутой рукой. Она совершенно ясно вспомнила, что, будучи ребёнком, мечтала о том, чтобы в Новогоднюю ночь ей подарили букет подснежников.

– А ведь и правда,– проворчала она,– я мечтала о таком пустяке.

Цветы она срывать не стала. Обойдя их то слева, то справа и даже понюхав тонкие лепестки, Зима подкинула в камин дровишек, чтобы детская мечта не замёрзла в текущие сутки.

– А ещё я в детстве хотела иметь огромного белого кота,– пробормотала она вслух, удаляясь в морозную опочивальню.

– Надеюсь, что на этом чудеса и сюрпризы закончились.

Она ещё не знала, что к ней со всех ног мчится старый друг Январь, закончивший праздничные ночные хлопоты. Он спешил к ней, держа за пазухой тощего белого котёнка, подобранного им на улице.

СТИХИ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО»

Сергей КОРЧНЕВ

ГОРЕЛА ЛЮБОВЬ, ОТДАВАЯ ТЕПЛО...

ЗИМА. ВИВАЛЬДИ

И будто кто-то свыше мне бросил под ноги афишу:
«Зима» Антонио Виваль... (размыто грязью липкой)
... сегодня вечером рояль...
(опять размыто) ...скрипкой».
Я вспомнил тот далёкий зал, среди зимы нездешней,
я был, но не существовал, сражённый и воскресший,
и вновь сражённый наповал.
И я никак не понимал,
как пианист, украдкой, руками душу разрывал,
отталкиваясь пяткой,
вонзая в чёрно-белый ряд
своих негнущихся солдат.
И капли, падая со лба, мешали нервным пальцам
по мокрым клавишам,
едва,
скользить и зацепляться.
Когда, закрыв глаза, скрипач тянул бровями ноту,
смычок, пронзительный палач, бил деку эшафота,
и к ней прижатой головы, выцеливая шею,
пилою конской тетивы
перепилить не смея.
Он быстрых пальцев не догнал,
мятущихся по грифу,
последний крик,
и он упал,
повелеваясь крику.
Я вспомнил звук. Я вспомнил снег.
Я там не смог остаться.
И по изрезанной струне
к скрипящей льдинами весне
сбежал, как эти пальцы...

НА ПОЧТЕ

В почтамте очередь и каплет с потолка
сквозь дыры памяти, точнее, память в дырках
уносит в прошлое, где был кефир в бутылках
и треугольные пакеты молока.
Там были письма, не было смартфонов –
эпистолярный век, век будок телефонных,
был почерк, не было клавиатур
и бесконечно сэлфящихся дур.
Мы слов простых значения меняем,
при слове Почта, часто представляем
не лист с письмом, заклеенный в конверт,
а свой, латиницей написанный E-mail.
Земля вращается от нашего вращения,
сливая краски в миксер упрощения;
перо, бумага, как из прошлого цитаты,
и вытесняют письма форумы и чаты.
А я, застряв на жизненном зигзаге,
беру конверт и белый лист бумаги,
и каждый раз он заставляет снова
меня задуматься над каждым словом.
Язык письма – не краткость сообщений,
мы в жизни говорим без сокращений,
но если письма выдавит прогресс –
общаться будем в стиле SMS.
Да и любовь претерпит изменение
и перейдёт в другое измерение,
где ляжет в клавиши Прокрусту-палачу
одним лишь словом в сообщении: Хочу!

ПО ФРЕЙДУ

Снег сугробился ночь, заметая дворы,
укрывая собак и котов вензеля.
Снег – дневная забава святой детворы
и ночная обуза планеты Земля.
Неподъёмная тяжесть совковых лопат –
наказание дворников и ЖКХ,
он мешает спешить тем, кто утром спешат,
помогая лишь мне, оседая в стихах.
Я смотрю в пять утра на засыпанный двор,
освежается мысль в приоткрытом окне,
вижу: дворник-узбек загребает узор
неизвестных следов и фонарных огней.
А в его Бухаре утром лепят манты,
провожают детей в медресе на урок,
кто-то смотрит в окно, как адепт чистоты
дворник Прохор Петров подметает песок:
– Эк, насыпало тут! Всё метёт и метёт –
наказание дворников и ЖКХ,
он мешает идти тем, кто в жизни идёт,
кто хотел бы зимы, а дождался песка.
И не мог я понять, что навеяло мне:
Бухару и манты, и мангал с шашлыком.
Я стоял и смотрел, как старался узбек,
засыпая мой двор не узбекским песком.

УСПЕЙТЕ СКАЗАТЬ

(Баллада о лодках)

От солнца до снега – бескрайняя облачность,
а в жизни, до снега – какой-то шажок;
лежали две лодки на станции лодочной,
две старых развалины, боком о бок.

Две жизни уже окончательно прожиты,
в морщинах борта и снегов седина,
что было, давно уж на ноль перемножено,
теперь только доски, и он, и она.

Один был когда-то отъявленным катером,
был быстр и силён на двоих подвесных,
вторая ж была со спокойным характером –
на вёслах катала влюблённых своих.

Он так любовался той маленькой лодкой
и гнал ей навстречу табун лошадей,
потом наблюдал, как неверной походкой
качала бедром в набежавшей волне.

Шли годы, у лодки любимой уключины
протёрлись о время, и сгнили борта,
и с катера старого всё уже скручено –
он выброшен там, где лежала она.

Судьбы парадокс: никогда не надеялся
на то, что его где-то любят и ждут,
на то, что они ещё, может быть, встретятся,
и вместе найдут свой последний приют.

И не дожидаясь, что лодки развалятся,
разбили на доски её и его,
в буржуйке смотрителя лодочной станции
горела любовь, отдавая тепло...

* * *

Я все забыл, оставив за порогом:
Шальную ночь, обрывки тусклых снов.
Я одурел от утра, от такого,
Что с ним сравнима лишь Любовь!
Тепло от солнца, как от поцелуя,
Еще молчанье птиц, нет шороха листвы,
Роса на шелке трав, босой хожу я –
Весь мокрый и глухой от этой тишины!
Спускаюсь к речке чьими-то следами,
Вдыхая аромат раскрывшихся цветов.
Туман, как запах – густ и осязаем,
Вхожу в него, как в первую любовь!
В речной прохладе с легким замираньем
Ныряю в солнце, раздробив в волне.
И я плыву, и я борюсь с желаньем –
Навек остаться в этой тишине!
Но, нет! Туда – где ночью жизнь сияла,
Я возвращаюсь, где тепло и кров!
Ты улыбаешься мне из-под одеяла!
Уже проснулась ты? Да здравствует Любовь!

ВАЛААМ

Здесь скалы в озеро брошены –
Все было и будет так,
Застыл на пути из прошлого
Ладожский архипелаг.

Друг друга локтями толкая,
С веками наперегонки,
Сосны корни вплетают
В каменные венки.

На берега, как на пяльцы,
Натянута неба синь,
Здесь люди корявыми пальцами
Крестом вышивают жизнь.

Под злыми ветрами качаясь,
Среди скитов и церквей,
Деревья, в пояс склоняясь,
Молятся за людей.

Слова, от сознания скрытые,
Как шелест и птичий гам,
Сливаясь с людской молитвою,
Разносятся по волнам.

А волны уходят в небо,
Теряя и мощь, и стать,
С луной, как с краюхой хлеба,
Торопятся вечерять.

И там, столуясь у Бога,
В неспешной беседе с Ним,
Расскажут о трудной дороге
В Карельский Иерусалим.

О том, как сложно без меры
Цепляться за голый гранит –
Здесь держатся люди за веру,
Как сосны за монолит.

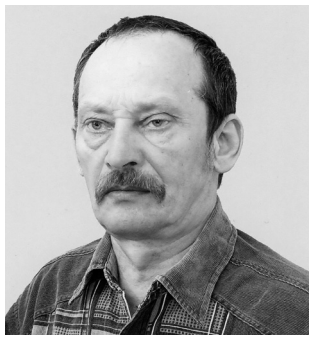
В скитах, словно в заточении,
Но помыслами легки,
Всю жизнь отдают в прощение
За наши земные грехи.

Вселенская всепрощенность!
Лишь здесь понимаешь ты
Всю хрупкость и утонченность
И Жизни, и Красоты!

ПРОЗА. XXI ВЕК

Станислав МИШНЕВ

ХОЛОДНАЯ КРОВЬ



По сельскому кладбищу шалит влажный весенний ветер. Как оттолкнётся от почерневших оград да крестов у подошвы горушки, стремглав выбежит наверх к новеньким, разноцветным оградкам и тяжелым гранитным надгробьям, сосновыми лапами распишется в блюдцах талого снега и замрёт в трепете, весь вжимаясь в солнечный блеск; эх, ветер! Ты молод, ершист, здоров; тебе неведома неизъяснимая грусть, тебе непонятны людские скорби.

Допускаю, что родился ты этим утром от удара полусонного пекаря-месяца в старую сосну. Небо, испещренное звездами, млело в струях нового дня, нельзя сотрясать небесную купель в такую дорогую минуту, нельзя звезд пугать даже слабым скрипом просевшей под тяжестью снега жердины в изгороди, даже мышиным писком, тем паче воззвать к умирающему, к вечному и непорочному, но не бывать трепетной тишине и неге вожделенной в подлунном мире, кто-нибудь, где-нибудь да оступится, согрешит,– виновник попытался скрыться за вершины осеребренного леса, но недовольные звезды, эти разомлевшие барыни, отгрянули эхом в далекую твердь.

Хоронили Ольгу Михайловну. Рак её замолол. Нынче три болезни опустошают русские просторы: рак, безверие и сердечная недостаточность.

Медведь велик да вша его заедает,– нет от этого рака спасения роду людскому. Последние дни сидела Ольга Михайловна, тихая, грустная, в окно глядела. Спросят осторожно домашние, может, чего поесть желаешь? Может, подушку подложить?..

– Смерти я не боюсь, все умрём, каждой овощи свой черёд. Мне вот любопытно знать, что после меня будет? Кто бы поведал, что с деревней будет, что с народом... Из этого любопытства и тянусь.

На распорядках стояла средняя дочь покойной Мария Васильевна. Место выбрали загодя: рядом с мужем Василием. Сосну метровой величины между могилами рубить не стали: любил Василий по грибы ходить. Вырастет сосна, сядет на веточку какая ни есть пташка, прочирикает чего на своём птичьем языке, и на том спасибо. Едва гроб с телом поставили на приготовленные козелки рядом с могилой, Мария Васильевна быстро нашла глазами в толпе провожающих Евдокима Валентиновича. Евдоким Валентинович слывёт штатным пастырем на похоронах. В прошлом ходил под партийным седлом, расковался возле ельцинской кузни, стряс атеистические подковы, наловчился речи держать про выдоенные литры, небесные кущи, колхозные соревнования, любовь да верность супругов. Вокруг да около потопчется, не даст усомниться в честности и порядочности, ну и «земля те пухом, спи с миром». Видит Мария Васильевна, в одной руке Валентинович записную книжку держит, другой рукой нос платком давит, а лицо насупленное и дышит каким-то боязливым и безнадежным ожиданием – столько важных шишек приехало из райцентра, ляпнешь ненароком чего-нибудь такое... и объявила, что первым желает сказать прощальное слово заведующий районным департаментом образования господин Широков Максим Авксентьевич. Деревенские, и Валентинович в том числе, против не были: говори, господин хороший. Всё равно кому-то надо говорить. Приятно всё же услышать речь умного человека, новизна, так сказать, мышления.

– Па-азвольте... па-азвольте,– заговорил надменным голосом тучный заведующий департаментом с окладистым лицом, вдруг потупился, откашлялся и как будто пришёл в себя, заговорил вполголоса.– Чувствовала ли Ольга Михайловна собственную жизнь? Нет, скажу я вам! Жизнь, как звук, становится понятной на самом её краю; сожаление – звук, сострадание к родным – звук, сладкий запах неубранных полей – звук; умирая, осознаёт человек, что вроде как он и не жил, и не любил, и счастья не испытал, и много, много всего не успел. «Не гладок путь от земли к звездам» – сказал как-то Сенека. Ольга Михайловна – это человек от сохи, как говорили раньше. Она не была в своё время членом молодежного парламента, не участвовала в конкурсах красоты...

И понёс в таком духе. Резкий, полный разворот – она родила и воспитала ТАКУЮ дочь! Какая спринтерская стометровка от Сенеки до Марии Васильевны! Мария Васильевна стояла рядом в окружении своих взрослых чад. От такой похвалы немного опешила, глубоко вздохнула, на глаза навернулись слезы. И снова легкая поправка Максима Авксентьевича: покойная воспитала трёх ТАКИХ дочерей. Вот старшая – стоит с заплаканными глазами в ногах матери и смотрит в гроб,– оратор к месту привёл слова Пифагора: «Берегите слёзы ваших детей, дабы они могли пролить их на вашей могиле». Вот младшая – как курица-наседка притянула к себе своих детей, уронила глаза к долу, плечи вздрагивают от плача. На похороны старшая дочь и младшая дочь прибыли, как и средняя, со своими детьми.

Деревенские стали лукаво переглядываться: учись, Валентиныч, красно говорить! Какие коленца говорун выкидывает, наловчился увлекать народ, как вихрь щепку. Тебе бы к Плутарху заглянуть: «Те, кто жадны на похвалу, бедны заслугами», а ты даже в интернете «не шаришь», от реформ, указов, новых веяниях ядовито скучаешь, плачешься о бедственном положении русской деревни, да кому нужны твои выдоенные литры? А ведь Плутарх завещал: «...основу речи должна составлять честная откровенность, предусмотрительность, разумное понимание и забота...» Красиво плетёт оратор гирлянды из изящных и увесистых слов, но всё же чем-то отталкивает людей выпирающее аканье. Пусть бы акал на трибуне, тренировался перед изысканной публикой, деревенских это немного коробит.

– Великий русский писатель Лев Толстой завещал: «Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек». Уважаемые, поколению наших изработавшихся матерей и бабушек нынешнее младое поколение по колено будет. Только по колено!

Спасибо, оратор!

Подлез ветер под приготовленные венки и, вздувая исписанными чёрными ленточками и зелененькими листочками, тужился отодрать их от земли и закружить над кладбищем.

Стояла толпа провожающих, большинством женщины, стояли тесно, понурившись, словно ожидая своей очереди на тот свет, и холодели скупые слёзы во вдовьих глазах.

Привалился к сосне высокий худощавый подполковник, военком на четыре района. Муж младшей дочери. Он, как бы дремля, посматривал в направлении своей жены. Жене недавно удалили желчный пузырь. Переминался в пальтишке на рыбьем меху и остроносых полуботинках помощник районного князя – начальству положено быть на похоронах матери директора средней школы! От полиции присутствовал участковый – мало ли!.. На последних выборах один пьяный абориген призывал на избирательном пункте «резать московских жидов!» Товарищ от партии «Яблоко» кинул весточку до Москвы, и пошли проверки. На заднем плане стояла дама поперёк себя толще, что-то записывала в розовый блокнотик. Никто пока не знал, чья она, но коль пишет – засланный казачёк.

– Пожалуйста, пожалуйста,– зачастила Мария Васильевна после выступления Максима Андреевича, тревожно всматриваясь в лица,– мама прожила жизнь рядом с вами, вы работали с ней рядом, делили и хлеб, и соль... не стыдитесь.

Одна старушка уж протолкалась, было, к самой домовине, уж набралась смелости и сказать что-то хотела, оглянулась на Марию Васильевну, поскользнулась и тяжко шлёпнулась наземь. Дети Марии Васильевны подняли бедную на ноги, та оправила юбку и спряталась в народ.

Народ молчал, молчал и смотрел на гроб, на могилу, на обсевших вершины деревьев ворон. Многие из присутствующих мало чего смыслили в молодежных парламентах. «Заслуженно сказал... как там тебя зовут, уважаемый, про старшее поколение. Уж нам, детям войны, с лихвой слёз хватило»,– должно быть, хотел подтвердить каждый.

Взор Марии Васильевны так и мелькал по провожающим, словно змеиное жало. Крепкий нос её с заволновавшимися ноздрями, казалось, свирепел сам по себе. Покашливание кого-то усилило накипающее безотчетное раздражение. «Вы зачем пришли?!» – верно, хотелось кричать носу.

Какое-то время мертвая тишина царствовала над кладбищем. Лишь ветер набегал жгучей струйкой, протискивался под гробом и уходил, ноя в стеблях высокой травы на безликой могилке с просевшим крестом.

Мария Васильевна первой простилась с матерью, простилась сухо, по-деловому,– от досады, что ли, а младшая сестра изошла слезами. Её майор оттаскивал от гроба силой. Старшая сестра положила несколько земных поклонов, медленно поднимаясь и крестясь, кинулась на свежую землю и зашлась в плаче. Её поднимали с земли сын и дочь.

Прошла деревня, каждый кинул горсть земли на домовину. Звякнули серебряные и медные денежки.

– Не кидайте, пожалуйста, не кидайте,– запротестовала Мария Васильевна.

– Век кидали,– сказал Евдоким Валентинович и будто назло кинул в могилу горсть монет. – До нас кидали, и пускай после нас место выкупают.

Дальше... зарыли, помянули «соточкой» с достодолжным раскаянием, зажевали кусочком колбасы. Что похороны, и те нынче другие. Раньше «соточка» была полновесная, а нынче стаканчик детям в яслях играть, с напёрсток, хочешь – пей, лихо – под крест лей.

– Прошу в автобус! Все проходим в автобус! Поедем в райцентр, в ресторане накрыт зал, помянем маму,– объявила Мария Васильевна.

Видя, что деревенские как оцепенели, ещё хуже, окаменели, и явно не спешат заползать в автобус, стала торопить:

– Евдоким Валентинович... Сергей Иванович... Василий Игнатьевич... что вы, бабы?! Автобус обратно до крыльца отвезёт, что вы?! Дядя Сережа, дядя Вася, вы же с мамой в одном классе учились!

Мария Васильевна не без тайного изумления смотрела на двух бывших маминых одноклассников: неужели им смерть матери «до лампочки»? Мигом возымела вид раздраженный, её повело, как бересту на огне, крепко сжала без того тонкие губы, стала заглядывать в глаза тех, с кем рядом росла, заглядывала с глубоким, хотя уже безнадежным пониманием всёпожирающего времени, и голос изменял ей.

– Мы вместе... а помните, как на сенокосе, как сено под деревней ставили?.. Поедем, прошу вас!

Никто из деревенских в автобус не прошёл.

– Да мы не в параде... вас самих орда такая... Мария Васильевна, мы – холодная кровь, дальняя родня... – слышались отказы.

В водоразборной колонке присели на широкой лавке Сергей Иванович да Василий Игнатьевич. Возвращаясь с кладбища, привернули в магазин, купили по малушке водки и по три пряника на закуску.

Жизнь прожили мужики рядом, но жили как-то обособленно, неприветливо, будто шли худо кормленные в какой день с топором за поясом, в какой с вилами на плече и кроме работы ничего не видели. Последние лет тридцать один у другого за порогом не бывал. В зрелые годы ни того, ни другого не занимали сильно одни и те же подневольные мысли: как дальше жить колхозом, тянули день к вечеру, о колхозных проблемах пусть думают другие, кто на больших ставках. Василия Игнатьевича зовут Прямотёсаный – когда он смотрит на собеседника из-под совершенно надвинутых бровей, кажется, что злее его нет на земле человека. Потом имеет привычку не договаривать своей речи и махать рукой, дескать, остальное собаки за меня долают. Сергей Иванович лицом смуглый, отмечен рябинами, нрава кроткого, из-за малого роста в армии не был.

В раскрытую дверь колонки щедро лилось солнце. Тощая, напуганная, приседающая кошка белой масти с печальным укоризненным мяуканьем и раз показалась перед колонкой, и два – готовая прыгнуть и бежать прочь от всякого окрика, топота,– напрасно надеялась, что, наконец, увидит свою хозяйку. Сидели и молчали; в сознании обоих изменился сегодня мир не в лучшую сторону. Время как кувыркнулось в их умах. Даже то, что они зашли в колонку, зашли, чувствуя надобность поделиться пережитым, стало для каждого чем-то неожиданным. Василий Игнатьевич, прищурив свои бледно-голубые глаза, долго вглядываясь вдоль деревни, закурил, пустил ноздрями долгую струю дыма, придвинулся ближе к Сергею Ивановичу и спросил:

– Чего бы ты, Серега, пожелал, случись тебе этой весной преставиться?

– А чего мне умирать? Не-е, не умру. Мама сказывала, ко мне в зыбку цыганка заглянула и говорит: «Ить, какой он воронёнок ладненькой». Вороны триста лет живут,– иронически Сергей Иванович.

– Триста – лишнее. А мне охота поле под деревней вспахать. Весь просевший лес выкорчевать, самому рожью засеять и самому на комбайне сжать.

– Да-а, сеять надо. Надо, чтоб не вымерло жадное к плоти своей человечье семя. Вспахать, посеять, сжать, солоду наводить, пива наварить – много просыплет бог из ладоней своих благоуханных дней, пока пивко в горлышко угодит. Пивка бы домашнего, да с вересинкой, как дядька мой Сергей варил... я бы не против,– весело рассмеялся Сергей Иванович.

– Верно! Верно, Серёга!

– Да-а, отсадили сегодня Валентиныча от титьки. Ослаб в коленках против заморских университетов. Ну и накрутил этот, как его...

– Врём все,– махнул рукой, выпустил ноздрями струю дыма.– И Валентиныч врёт, как сивый мерин. Наговорим всякой чепухи, крышку на гроб надвинем, и думой такой на тот свет сопровождаем: «Лежи себе, Олька, нашими речами тебя скорее в рай занесут». Эх, Олька ты Олька! Любила, царство ей небесное, когда её щупали.

Сергей Иванович удивлённо фыркнул.

– Доводилось щупать? – спросил, щурясь от яркого света.

– Грешен. Бывало в старом клубе... Визжала заразительно. Юбку носила шелковую, какой-то бедой душилась, сладко ноздри щекотало... Не отталкивала. Вот как человека свет да тьма переворачивают! Днём – важная, молчаливая, последней осенью перед свадьбой голову кутала оренбургским пуховым платком – монашка, а ночью – ведьма. Помнишь, две лампы керосиновые, одна в бухгалтерии стояла, другая у председателя?.. Лампы задуем, девок за печью ловим. Что, Серёга, теперь душой кривить?

– Тебя девки любили. Пока... Не обижайся, во хмелю ты диковат, уж если прямо сказать,– несмело произнёс Сергей Иванович.

– Ты это...– голос у Василия Игнатьевича стал острым, и ощущался, как вбиваемый гвоздь.

• Окончание на 7-й стр.

ПРОЗА. XXI ВЕК

• Окончание. Начало на 6-й стр.

Было дело. Возвращается Василий из армии, встречает в райцентре земляка и одноклассника Серёгу, то да сё, решили дембель «спрыснуть». Куда идти? В бору тихо и пусто, прели неубранные кучи сучьев и опавшей листвы, а ниже, к реке, лежит опалая гладь унылого наволока. Вода в реке блестит стеклянным студнем, ветерок бесится псиным воем. Обнял Василий руками одну сосну, другую, под вершины глянул. Вздыхает. Досада берёт. Из армии идёт, на груди значки, на погонах нашивки. Душа музыки желает, песен, девчат. Серёга предложил зайти в магазин к Аннушке Настасьиной. Своя, притом бывшая одноклассница.

– В тепле посидим, столом да скатертью,– говорит Серёга, и облизывается от предвкушаемого удовольствия.

Неласково встретила незваных гостей Аннушка, провела в закуток, где они с подругой чаёвничают. Хоть бы корку хлеба дала, хоть бы луковицу занюхать.

Выпили по «соточке», Василий ходит по закутку как голодный тигр, не могу, говорит, пить водку без закуски, долотом в горле стоит, хоть бы занюхать, хоть бы...

– А ты у Аннушки оближи руку,– предлагает Серёга.

– Чего это я у неё руки лизать буду? – подозрительно спросил Василий.

– Она голой рукой рыбу на весы кладёт, прокоптилась рука-то.

– Я – тебя! – с явным превосходством в силе и положении повёл плечами демобилизованный старший сержант.

Катился между сосен по бору колобок Серёга, удирал от обиженного бывшего одноклассника. Василий гнался за ним с початой бутылкой водки и кричал, что гадом будет, если Серёгу не удавит!

Хрустит пряником Василий Игнатьевич.

Сергей Иванович говорит:

– Ты вон, ростом под матицу, а меня, недомерка, мать в клуб не пускала, вырасти сперва, говорила, девок на твой век хватит. Перед нами за партой сидела Олька с Аннушкой Настасьиной. Коса черная по пояс, а вшей в той косе... да у кого их не было? Я начну подтыкать сзади да шептать: «Вошка бежит, дави!», она развернется да как хлобыснет мне в лоб... у неё под закрученной косой прядка блестящих волосиков шла по шее. Потом я узнал, это и есть у девок здоровье напирающее. А хорошая девка наша Олька была!

Сергей Иванович налил из своей малушки «соточку».

Василий Игнатьевич распечатал свою бутылочку, налил стаканчик.

– И честная! – веско добавил Василий Игнатьевич.

Глаза Василия Игнатьевича сверкнули удалой весёлостью, но голова потупилась к долу. Затянулся табачным дымом, как заробел часом.

– Эх, как раньше черёмухи вкусно пахли! Воздух густой на вечеру, луна-цыганка бродячая шастает, пугает... Назавтра встретишь её, ожидаешь увидеть пристыженной, раскаивающейся грешницей,– кому-то махнул рукой.– Упрекал, бывало, что скрывать. Нравилась мне. А тут Васька из армии пришёл, с Северного флота, ну и... На флотских девки падкие. Давай заодно и Ваську,– провёл рукой по лицу, подумал и тряхнул головой.– Не тем концом помянут будет... Самолюбив был. Не замечал я в нём ни доброты, ни честности. Всё стороной да боком. Всех норовил на коротком поводке держать. Помнишь, как выбежит, бывало, на собрании к самому президиуму, и давай поливать грязью. На районных начальников рычать любил: «Ты!..» – слюна брызжет, скачет, зубы скалит, ровно волк в капкане...

– В большой нужде Васька вырос. Поучился мало. Женился да сразу в стройку, в лес... Всё правду искал. Да разве есть она, общая правда? У меня своя правда, у тебя своя, ему же подавай всё начальство на плаху. «Огнемёт бы мне!.. Я бы вас всех!..» Душой-то понимал, а выразиться не мог,– поправил Сергей Иванович.– Это ты верно заметил: расчетлив был. Нельзя так жить, царство тебе небесное, Васька. Копить в себе сплетни и слухи, да вылить ушатом... Сложимся, бывало, по рублику, хрен он на свои выпьет, от своей водки, говорил, изжога. Жаль Ваську, через дурь свою в доски ушёл.

– Я тогда его в морг возил... не хватило мозгов: поставил трелёвочник на гнилые чурки. Олька ему рот полотенцем отирает, пена красная идёт, идёт... Как думаешь, Серёга, средняя девка Васькина или нет? – спросил и уставил на Сергея Ивановича страшные глазюки. Подумал и сам себе ответил: – Я думаю – нет. Вот с какого бодуна районный князёк помощника пригнал? А боится! Размажет его Машка на следующих выборах. В газетах манну небесную обещала, когда в депутаты районного собрания пёрла. Мы на обещания падкие... Нос у Машки, что пушка моей самоходной артиллерийской установки! Сенокосы вспомнила... Отец из огнемёта коммунистов жечь грозился, а дочь к денежному корыту льнёт,– не его!

– Давай-ко, допьём остатки и по домам. На улице припекает, а своя печь всё равно роднее.

– Ты скажи, Серёга, как мне родственником приходишься, по отцу или по матери? Если по Ефимье – холодная кровь, а как по Михайлу Кузьмовичу – из одной квашни.

– Никак уж пива наварил? – засмеялся Сергей Иванович, чувствуя себя освеженным и обновленным, словно выкупался в холодной родниковой воде.

– Какое пиво! Лагуны в подвале изгнили, котел проржавел, вьюшки издрябли... И чего мы с Олькой по-человечески не простились? Дойти бы, сказать бы, а тут...– произнес Василий Игнатьевич напряженным, тугим и неломким голосом.

Сказал, и кинул недоеденный пряник трусливо проползающей кошке, поняв с режущим холодом, что далеко, очень далеко осталось детство, да и не было вовсе его, детства, была незримая, безразличная ко всему пуповина, что связывала его с прошлым, теперь испарившаяся со смертью Ольги.

– Ну-у, чего теперь казнить себя. Земля ей пухом. Пойдём, Васюха, по домам.

Прислонился лбом к дверному косяку Василий Игнатьевич. По вздрагиваниям спины Сергей Иванович видел, что он плачет.

ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ

СЛОВО И СЛАВА ПРЕДКОВ

«В ЛЕТО 7163-го. Октября в 18 день на память святого апостола и евангелиста Луки поставили единодневный храм во имя всемилостивого Спаса Смоленского на Вологде, на старой площади, а начали рубить против 18-го числа октября в нощи в 6-м часу, а клали светочи и, зажигав скалы на батогах, светили светло, а срубили за два часа до дни, а сомшили в два часа, а святить начали в 5-м часу дня, а осветили в последнем часу дни»...

Так записал вологодский летописец о событии, случившемся в его родном городе осенью 1655 года. О событии, какого не было на Вологде ни до, ни после сего лета.

За год до этого пришла на Русь моровая язва. Опустела Москва: одни люди вымерли, другие разбежались по деревням. Но вымирали и деревни, и целые города. О размерах трагедии можно судить по докладам царю о числе живых и умерших в российских городах. Вот небольшой отрывок из этого списка:

«...в Туле умерло 1808, осталось 760 мужского пола; в Переяславле Рязанском умерло 2583 человека, осталось 434».

Не миновала беда и Вологды. Ровно через год после Москвы чума пришла и сюда. Болезнь косила людей сотнями. Опустели лавки посадских людей на Торгу и Ленивой площади, на гостином дворе и у городских ворот. Заколачивались зараженные и вымершие дома на городских улицах Соловецкой и Покровской, Рождественской и Пятницкой, в стрелецкой слободе и за рекой Вологдой на Мироносицком берегу у судовых пристаней. Живые не успевали погребать умерших. Целых семь недель собирала свою черную дань моровая язва в Вологде.

Мы не знаем, и гадать не будем, кому первому из вологжан пришла в тот горький час мысль воздвигнуть миром в один день храм во спасение от морового поветрия, но ее подхватили все оставшиеся в живых горожане и назначили день построения церкви – 18 октября.

Накануне к вечеру на старую Сенную площадь стал собираться народ со всего города и подгородных деревень. Каждый хотел принять посильное участие в деле. Подвозили бревна и доски, тесали и рубили дерева. С наступлением полной темноты сотни горожан зажгли «светочи» – берестяные и смоляные факелы. Стало светло, как днем, и при этом свете плотники рубили храм всю ночь, завершив его за два часа до восхода солнца.

Утром новорубленую церковь украсили иконами и церковной утварью из других городских храмов, а с полудня тогдашний архиепископ вологодский и великопермский Маркел начал творить службу по освящению храма, закончив её к вечеру. Тем и завершилось сооружение в Вологде Спасообыденной церкви, одной из немногих на Руси ей подобных. «И оттого дни мор на Вологде перестал быть»...– записал летописец.

Но вологжане дело на этом не закончили. В честь сего великого творения изограф Сумароков по их просьбе написал так же за один день икону Спаса Всемилостивого в новый храм. А горожане составили «обетный приговор», в котором обязались сами и наказывали потомкам своим хранить как святыню Спасо-обыденный храм и обеспечивать его жизнь «из мирского ларца, своими мирскими деньгами». В этом поклялись и «обещались все вологжане посадские люди есмя по своему мирскому обещанию, ныне да и впредь детям и внучатам нашим и кто будет по нас на Вологде посадские люди по вся годы»...

Приговор отнесли в Софийский собор с наказом хранить и помнить вечно. Нельзя не помянуть имена тех, кто писал завещание. Вот несколько из сотен подписавшихся: Третьяк Желвунцов, Первой Катромец, Дружина Михайлов, Замятня Евдокимов, Евсевей Носков, Третьяк Яковлев, Иван Вага, Ждан Михайлов, Томило Пушник, Акила Карпов, Семен Стоумов, Якимко Городчиков.

Сыновья и внуки тех вологжан свято хранили и соблюдали наказ предков заботиться о благосостоянии храма. Так, когда через сорок лет деревянную и слишком маленькую, да к тому же приходящую в ветхость церковь решили заменить на каменную, то старое здание не разрушили. Во все долгое время стройки она находилась внутри воздвигаемого каменного храма и в ней постоянно отправлялась служба.

И через сто, и через двести лет в Вологде 18 октября был днем воспоминания об избавлении города от чумы.

...«Благодарные потомки,– пишет в 1868 году один из вологжан,– не оставляют творить память страшного посещения и славного избавления предков. С тех пор каждодневно на сем месте в настоящий день совершается церковное творчество... Честь и слава благочестию потомков, свято сохраняющих память»... Так делали благодарные потомки еще в начале века нынешнего.

А неблагодарные потомки, поправ память предков, в 20-е годы в обезображенном ими же храме открыли «дом искусств». В 300-летнюю годовщину городской святыни там работал кинотеатр.

Но ещё бóльшую неблагодарность совершили нынешние вологжане. В 1972 году они снесли собор с лица земли. Очевидцы помнят, как не хотел погибать храм и долго не поддавался рукам разрушителей. Тогда они с танками и динамитом пошли на него в атаку. И храм был разрушен до основания. За что? Почему? Ради чего? Нет ответа на эти вопросы. Ибо место, где стоял храм, залили асфальтом и разбили цветочную клумбу. Разрушить и ничего не создать! Вспомним историю: так поступали только варвары. Но разве память народную можно разрушить или стереть с лица земли?

Человеческая жизнь или жизнь целого народа пишется сразу на чистовик и в ней ничего нельзя переписать заново, нельзя возвратиться назад. Каждый прошедший миг жизни сразу же падает в Лету, ту самую легендарную реку забвения, которая, по словам поэта, «уносит все дела людей». Так ли? Так да не так.

Ибо дело, претворенное в Слово, в звуки музыки или картину живописца, в камень храма или бронзу ваятеля, живет века и даже тысячелетия. Самым долговечным и крепким, как ни странно, остается Слово. Можно уничтожить храмы, картины, памятники, дома, забыть музыку – что всё уже и было в истории человечества. Но нельзя уничтожить Слово. Можно даже сжечь книгу, в которой оно напечатано, но Слово останется, ибо это – память рода и всего народа, к которому принадлежит человек.

Пусть неблагодарные потомки танками и динамитом снесли храм Спаса Обыденного, но они память народную не уничтожили. Она осталась в Слове тех, кто писал послание своим потомкам, говоря с ними через века. Так что дело созидателей и имена их остались в памяти, а значит, и в жизни человеческой. Имена же разрушителей храма действительно канули в Лету и вполне достойны забвения.

В будущем, когда состоится суд над разрушителями старой Вологды, он вынесет частное определение в адрес остальных вологжан. За молчание. За то, что замкнув уста, взирали на творимое святотатство и тем помогали разрушать созданное веками. За соучастие.

Ведь рядом с храмом Спасообыденным стояли некогда еще два собора, которые тоже снесены с лица земли, а под Вологдой, незадолго до взрывов и танковой атаки на бывшей Сенной площади, уничтожена была церковь святых Кирика и Улиты, где летом 1917 года венчался великий русский лирик Сергей Есенин. Из ее кирпичей построили свинарник.

И всё это творилось на глазах ныне живущих поколений! На глазах «молчаливого большинства».

Разрушители старой Вологды (архитекторы, проектанты, городовые чиновники) творят своё чёрное дело и сейчас, когда пишутся эти строки. Они сносят деревянные дома и на их месте ставят каменные «монстры». При этом они даже вторгаются в заповедные, охраняемые Законом кварталы старого города, то есть преступают этот Закон.

Разрушители старой деревянной Вологды, выступая против её немногочисленных защитников, спекулируют на тяжелых условиях проживания в деревянных домах по части удобств. И жителей, дескать, надо переселять в благоустроенные квартиры.

Но кто же против переселения жителей деревянных домов в новые квартиры?! Только почему же при этом надо ломать сам дом? И почему условием переселения из деревянного дома становится только его снос? Почему на месте деревянных домов в центре города вырастают пятиэтажные солдатские казармы? Разве мало для них места на окраинах?

Есть ведь другой вариант, который предлагают защитники старой Вологды: всех жителей деревянных домов переселить в благоустроенные квартиры. Дома же, оставленные ими, возобновить, благоустроить и вновь заселить теми, кто этого желает. Всякий другой путь ведёт только к разрушению. Но зачем же идти варварским путем?

Не лучше ли вспомнить слова великого Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Старая деревянная Вологда – слава наших предков.

Доколе же мы будем малодушны и молчаливы?

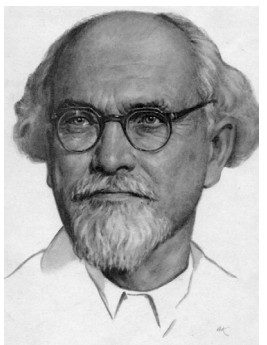
Александр ГРЯЗЕВ

В течение полувека, с 1905 по 1954 год, известный писатель М. М. Пришвин вёл дневник. В нём он размышлял и о творческом процессе, и о роли писателя в обществе, и о поэзии, разлитой в природе и созидательном труде, и о многом другом. Эти мысли находили затем отражение в его художественных и публицистических произведениях. Но дневниковые записи ценны и сами по себе. Избранное из дневников Пришвина было опубликовано, в частности, в книге «Незабудки», изданной Вологодским книжным издательством в 1960 году. Эта книга и взята за основу для данной публикации. Составитель «Незабудок» и автор вступительной статьи – В. Д. Пришвина, жена писателя. Она отмечает, что «сила пришвинских записей – в сочетании поэтического чувства, наполненного напряжённой мыслью, с точностью наблюдений, придающей им целомудренную, почти научную строгость. Вторая особенность этих записей – в лаконизме, в сжатости формы». Предлагаем вниманию читателей записи Михаила Михайловича Пришвина, касающиеся писательского труда, что может быть полезно начинающему литератору в его творчестве.

УРОКИ ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ

Михаил ПРИШВИН

«СКРЫТАЯ СИЛА... ОПРЕДЕЛИЛА МОЁ ПИСАТЕЛЬСТВО»



«СКРЫТАЯ сила (так буду её называть) определила моё писательство и мой оптимизм: моя радость похожа на сок хвойных деревьев, на эту ароматную смолу, откуда-то наплывающую при поранении: от сильной душевной боли рождается скрытая сила поэзии».

«Аксиома творческого труда: что добро перемогает зло. Значит, из совокупности жизненного творчества получается некий плюс. И надо быть личностью, чтобы понимать этот плюс. Вот в этом знании общего дела есть сущность личности, потому что просто индивидуум знает только себя».

«Мы, поэты и художники, не являемся, как раньше думали, «избранниками», будто бы мы живём, а внизу где-то прозябают обыватели. Нет! Мы ничем не отличаемся от других, если их дело является творчеством жизни».

«Добро само по себе неказисто на вид и убеждает нас только, если осветит его красота. Дело художника – это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра».

«Человек, в детстве наслаждавшийся ароматом ландышей, и потом, когда потеряет обоняние в старости, не лишается желания поднести ландыш к носу. Мало того! Он может при этом наслаждаться воображаемым ароматом.

Поэзия сложнее аромата цветка, но и она близка к способности человека возмещать утраченное».

«Я охотник за своей собственной душой, которую нахожу, узнаю то в еловых молодых шишках, то в белке, то в папоротнике, на который через лесное окошко упал солнечный луч, то на поляне, сплошь покрытой цветами».

«Есть особое материнское чувство жизни, рождающее образы, как живые существа. В свете этого чувства каждая мысль превращается в образ, и как бы коряво ни писала рука, и как бы ни брызгало перо на плохой бумаге – образ родится и будет жить.

И есть мастерство, заменяющее материнское чувство, посредством которого можно писать, как только захочется. Но всё это не значит, что мастерство не нужно художнику: оно необходимо ему, но при условии подчинения материнскому чувству».

«Создание книги похоже на посев семян: много хлопот, чтобы посеять, а дальше всё само делается. В семенах – урожай от погоды, а в словах – от народа.

Да и в самом творчестве есть время забот, отвечающее посеву, и есть время, когда свои заботы надо отбросить и предоставить посеянному вырастать самому. Пусть всё вырастает по плану, как задумал сеятель, но пусть не вмешивается автор туда, где всё само делается благодаря силам природы.

Вот в этом-то, может быть, и заключается поведение автора и его управление, чтобы уметь вовремя отойти от задуманного и предоставить самый рост силам природы».

«Всё хорошее, в том числе и хороший рассказ, происходит не только от личного усилия, нет, оно само выспевает, как яблоко на стволе человеческой личности».

«Талант не делается, с талантом рождаются, и это есть то же самое, что у животных называют «инстинктом». Наверно, каждый рождается с каким-то талантом. Когда я попал на свой талант, на эту способность всё постигать, минуя ученье, я обратился к солнцу, как к источнику жизни, и прославил природу».

«Талант именно и есть способность приблизить другого к себе и за него выступать, как за себя. Значит, талант поэта есть та же сила любви, превращённая в слово».

«Далеко позади себя я оставил гордые попытки управлять своим творчеством, как механизмом. Но я хорошо изучил, при каких условиях мне удаются прочные вещи: только при условии цельности своей личности.

И вот это узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества. Я не управляю творчеством, как механизмом, но я веду себя так, чтобы выходили у меня прочные вещи: моё искусство слова стало мне как поведение».

«Никогда не останавливался перед чем-нибудь только из-за того, что другие за это брались и среди них были люди, может быть, и способней тебя. Это неверно! Твой кончик счастья виден только для тебя, и за него потянуть можно только тебе одному.

Вот отчего хороший грибник не боится народа в лесу, он верит, что твой гриб от тебя никуда не уйдет, и никто твоего гриба не заметит. И хороший охотник не боится чужой стрельбы, напротив «стреляют,– думает он,– значит, там-то и дичь». Так идёт счастливец на гам и стрельбу, и оттуда на него прямо и зверь; недаром же говорят: на ловца и зверь бежит».

«Писать очень приятно и легко – трудно удерживаться от писания и беречь свои мысли, чтобы их сгустить: чем меньше писать, тем гуще и сильнее выходит. И трудность писания, его подвиг состоит в том, чтобы строить плотину потоку слов и регулировать спуск их».

«Слово ценится по силе, с которой говорит человек, у сильного слов меньше, но зато они сильней действуют, у слабого больше слов и, чем больше слов у него, тем больше силы убывает. И так доходит до того, что слова его текут, как вода, и все говорят, его слушая: «Это вода».

«Причёсывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую».

«В производстве нельзя без заместителей, но затем и создано и существует искусство, что человек тут сам.

В искусстве нет заместителей: тем искусство и отличается от всего».

«Искусство, как сила восстановления утраченного родства. Родства между чужими людьми».

«Стал я на тропу и знаю наверно, что рано или поздно придёт по ней другой человек. Слушаю сказку и знаю, что другой человек придёт и будет слушать её. Тропинка и сказка в родстве, это сёстры, одну в природу отдали, другую – в сердце человека».

«Красота далёких стран непрочная, потому что всякая далёкая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость. Потому чистую, прочную красоту художник должен открывать в близком и повседневном».

«Поэзия – это чем люди живут и чего они хотят, но не знают, не ведают, и что надо им показать, как слепым».

«Мост от поэзии в жизнь – это благоговейный ритм, и отсюда возникает удивление. Не бойся, поэт, делать себе из этого правило и ему подчиниться: ты слушай только данного тебе музыкального ритма и старайся в согласии с ним расположить свою жизнь».

«Поэзия – это душа подвига, обращающего красоту в добро».

«Сказать от души, от себя самого и полным голосом – вот единственная мораль писателя».

«Из старых писателей Грибоедов чудесно сказал: «Пишу, как живу, и живу, как пишу».

Таков и мой идеал: достигнуть в словесной форме согласия её с моей жизнью». (Из книги «Кащеева цепь»).

«Свинцовым газетным языком каждый может писать. А языком всего народа, поэтическим и музыкальным языком писать очень трудно. Вот этот лёгкий свинцовый путь языка покатился от очерка к роману, и появилось такое неверное суждение, будто можно усвоить какой-то скорый метод и о всем написать». (Из книги «Кащеева цепь»).

«В художественной вещи красота красотой, но сила её заключается в правде: может быть бессильная красота (эстетизм), но правда бессильная не бывает.

Были люди сильные и смелые, и великие артисты были, и великие художники, но суть русского человека – не в красоте, не в силе, а в правде. Если же весь даже люд, вся видимость пропитается ложью, то для основного человека культуры это не будет основой, и он знает, что эта ложь есть дело врага и непременно пройдёт.

Не в красоте, а только в правде великие художники черпали силу для своих великих произведений, и это наивно-младенческое преклонение перед правдой, бесконечное смирение художника перед величием правды создало в нашей литературе наш реализм; да, в этом и есть сущность нашего реализма: это подвижническое смирение художника перед правдой».

«Русские цари были заняты завоеваниями, расширением границ русской земли. Им некогда было думать о самом человеке. Русская литература взяла на себя это дело: напоминать о человеке. И через это стала великой литературой».

«Да, так и можно сказать, что всякое истинное творчество есть замаскированная встреча близких людей. Часто эти близкие живут на таких отдалённых окраинах места и времени, что без помощи книги, картины или звука никогда бы не могли друг друга узнать.

Через тоску, через муку, через смерть, через все препятствия сила творчества выводит одного человека навстречу другому».

«... я пишу,– это всё равно что возделываю сад, и у меня вырастают деревья, и плоды их достаются не мне.

И я это именно счастьем своим считаю, что плоды моего сада всем достаются, и эту творческую силу я называю любовью».

«... в искусстве самое главное – доверие к себе, к своему первому взгляду. Только надо помнить всегда, что эта простота восприятия и это доверие к себе обретаются сложнейшим трудом».

«... Человек должен сделаться не рабом, а хозяином времени, я брал эту мысль из себя, из собственной борьбы своей за такой рассказ, чтобы он переживал наше время и жил независимо от нашего времени в иных временах.

Хозяин времени есть победитель смерти, которая и составляет сущность всего временного... Каждый художник во все времена был борцом против временного».

«Самая большая сила на земле – та сила связи, которая получается через слово художника».

«Политик, увидав коня искусства, думает о том, как бы запрячь его в телегу с его политическим грузом».

«Пишите о войне, только помните – война должна кончиться, а книга должна остаться».

«Смотрю в себя и через себя одного понимаю всё русское, до того я сам русский. Так, если хочу понять, откуда у нас берётся столько героев, то сам эту готовность к геройству вижу в себе, как будто сидишь ни у чего и ждёшь, что тебя позовут, и как только позвали, то ты делаешься будто снарядом: вложили тебя в пушку – и полетишь, и с удовольствием, с наслаждением разорвёшься где надо...»

«Может быть, в состав таланта включён какой-то особый орган и посредством его художники ориентируются во времени подобно тому, как перелётные птицы определяются в своих огромных пространствах».

«Прочитав прекрасную книгу, я думаю: вот я её в день прочитал, а ведь чтобы написать её, он истратил всю жизнь!

Выслушав весной первый зелёный шум у берёзы, я говорю: чтобы так прошуметь, ведь она полвека росла».

Подготовил Юрий Максин

Пришвин Михаил Михайлович (1873–1954), писатель, прозаик и публицист. Константин Паустовский называл его «певцом русской природы». Максим Горький говорил, что Пришвин обладает «совершенным умением придавать гибким сочетанием простых слов почти физическую ощутимость всему». Первый рассказ «Сашок» был напечатан в журнале «Родник» в 1905 году. В 1906 году Пришвин совершил поездку по северу для сбора сказок по заданию Русского географического общества. Путевые заметки послужили основой для его первой книги «В краю непуганых птиц» (1907). В этой книге реализовался новый для русской литературы поворот натурфилософской темы «человек и природа». В ней сказались особенности творчества Пришвина, которые находятся как бы на грани науки и искусства. За эту книгу Пришвин был избран действительным членом Географического общества, возглавляемого П. П. Семёновым-Тян-Шанским и награждён серебряной медалью. Автор книг «За волшебным колобком», «У стен града невидимого», фенологических записок «Календарь природы», автобиографического романа «Кащеева цепь», романа-сказки «Осударева дорога», повестей и рассказов, в том числе для детей.

ОБ ИСТОКАХ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ПАМЯТЬ О БУДУЩЕМ

(Изборский клуб в гостях у Ивана Грозного)

Дорогие изборские братья! Дорогие единомышленники, собравшиеся в славном русском граде Александрове, через который проходит силовая линия русской истории! Существует представление о том, что через Россию текут две Волги. Одна – видимая, верхняя, по которой катятся пароходы, лодки, куда сбрасывается мусор, сливаются отходы. А есть другая – донная, глубинная, чистейшая Волга. И две эти Волги текут одна над другой, не смешиваясь. И только когда-нибудь потом две эти реки сольются, образуя единую восхитительную Реку русского времени. То же можно сказать о русской истории: в ней тоже два потока. Один – видимый, уставленный могучими крепостями, отмеченный великими победами, знамениями, философией. А другая история – она не параллельная, не запасная, она течёт рядом с основной русской историей, сберегая в себе таинственные русские начала: те, которые уже открылись миру, и те, которым ещё предстоит открыться.

В борозду, которую пахали и Александр Невский, и царь Иван Васильевич Грозный, и Пётр I, и многие другие герои, мученики, подвижники, брошено много разных семян. И где-то здесь существует та клумба, на которой эти семена расцветут волшебными цветами русской истории. Поэтому хотим, чтобы среди вас царило братское согласие, и чтобы все ваши споры, пусть даже самые острые и яростные, носили божественно-братский характер.

Мы могли бы посвятить круглый стол личности Ивана Васильевича Грозного, и это была бы вполне достойная для обсуждения тема. Но мы посчитали важным сегодня связать времена, связать посылы, векторы движения, которые шли из далёкого прошлого и идут дальше вперёд. И поэтому мы говорим также об опыте и перспективах модернизации, потому что Александров в нашем понимании – это место генерации альтернативной модернизации. Это так, начиная ещё со времен благоверного Александра Невского, который здесь создавал Серебряный полк и создавал фактически новую Русь в недрах погибавшей старой Руси киевской формации. Здесь Иван Васильевич Грозный выковал империю, выковал державу, сумел придать старой дряхлой феодальной Руси совершенно новый характер, новое лицо. Здесь Пётр Великий готовил свои потешные полки, то есть фактически зачал новую победоносную российскую армию XVIII века.

Александров в первую очередь – столица опричного государства. Главная актуальность Ивана Грозного сегодня: он преодолел квазифеодальное устройство России, которое было в XVI веке. Но такое же устройство необходимо преодолеть и нам, ведь мы тоже после 1991 года обрушились в архаику! И сегодня развитие России сопряжено только лишь с тем, чтобы быстро и эффективно выкарабкаться из этой архаической стихии «новой деградации», в которую мы погрузились.

Иван Грозный – образец государя-инноватора, какого больше в истории России, пожалуй, не было никогда. Один из самых спорных вопросов – кому подражал Иван Васильевич: Золотой Орде, Византии или даже Османской империи? Наша точка зрения: никому не подражал. Он не онемечивал, не отуречивал, не отатаривал Русь, а просто брал её такой, какая она есть. И в этом смысле утверждал самостоятельную Русскую цивилизацию, как он её видел, как принял её от своих предков. Недаром великий евразиец Трубецкой говорил, что Россия – это «страна-наследница». И что секрет её успеха – в сплаве византийского наследия и ордынского.

Опричная технология Ивана Грозного, наряду с его земской реформой,– важнейший его вклад в становление государства. Это быстрый переход от клановой модели к модели элиты орденского типа, от землячества – к братству, от феодальности – к империи служения. Такою была путеводная звезда русского государства, которая воспроизводила себя через века.

Наш замечательный историк Игорь Фроянов справедливо показал, что боярская плутократическая модель XVI века была тесным образом связана с известной новгородской ересью «жидовствующих», по крайней мере – с её духовным контекстом. Уничтожая последствия этой ереси через опричнину, Иван Васильевич также дал нам образец для XXI века. Сегодня это же явление уже называется не ересь, потому что мы живём в контексте светской культуры. Сегодня это угроза нашей цивилизационной идентичности, культурной идентичности, которая, к сожалению, не просто существует, а уже в значительной степени реализована внутри менталитета нашего народа, особенно в молодых поколениях больших городов. Суть её – во внедрении перевёрнутой пирамиды духовных ценностей, которую можно назвать потребительской, эгоцентрической, атомистической, связанной с иллюзией избавления человека от Традиции как чего-то сковывающего его индивидуальную свободу и накладывающего исторические обязательства перед собственными истоками.

Первое гражданское общество в России построил именно Иван Грозный по лекалам Аристотеля. Научил его этому святитель Макарий, подавший идею объединения народа с властью через Земский собор. Сегодня мы находимся на витке развития, когда один в один повторяется ситуация, бывшая при Иване Грозном. А мудрые недаром говорят: «Оглянись в прошлое с пониманием, живи настоящим с любовью, а в будущее смотри с верой». Мы сегодня должны осознавать, что у Бога нет других «рук», кроме наших с вами. То, что сделал Иван Грозный, и сегодня актуально для нас. Создаваемое им русское гражданское общество основано не на противостоянии общества и власти, а на их постоянном легитимном взаимодействии. Недавно патриарх Кирилл высказал идею, что правильно было бы в ближайшее время собрать Земский собор. Но ведь это не просто новое название парламента: в Земский Собор при Иване Грозном входили не просто мудрейшие из мудрых, но и воцерковлённые, лучшие в духовном плане люди.

Александров – это одно из тех мест, где рождалась идеология российской государственности и Русской цивилизации, которая определила развитие страны на многие столетия. Иван Грозный создавал Российское государство по образцу Византийской империи – как «царства царств», основанного на христианских духовных ценностях и имеющего целью воспитание «нового человека». Здесь можно провести параллель со Сталиным. Ведь Иосиф Виссарионович создавал СССР после Великой Отечественной войны по форме, по образу Российской империи как «царства царств». И в этих двух великих проектах было одно связующее начало: каждое из этих царств, каждая из этих империй ориентировались на создание «нового человека» на основе духовных ценностей.

Целеполаганием проекта «Москва – Третий Рим» было не главенство над другими народами, а борьба против мирового зла. На каких принципах предполагалось воспитать «нового человека» для этой задачи? Духовная цельность, неразрывность веры и жизни. Добротолюбие, правда и справедливость – как законы жизни. Далее, нестяжательство, преобладание духовно-нравственных мотивов жизни над материальными. Соборность – растворение человека в православной церкви, в православном государстве, в православном народе. И, наконец, это патриотизм, который есть высшее после веры выражение духовности человека.

Идеал, проект создания «нового человека» – антизападный проект, это борьба с ценностями Запада. И в XVI веке эти ценности нам уже пытается навязать Запад. Они приходили к нам от тех феодалов, которые вернулись в состав русского государства в конце XV – начале XVI вв. Это, прежде всего, так называемые верховские князья: Одоевские, Вяземские, Перемышльские, целый ряд князей очень известных фамилий. Общаясь с представителями Запада, они впитали в себя их идеологию и возглавили кланы, нацеленные на «опрокидывание» царской власти. Известно по польскому летописцу, что в 1568 году этими князьями-заговорщиками вынашивался план схватить Ивана Грозного и передать его польским властям. Но в то время этот заговор был разоблачён, и все они были наказаны. Это был период крайне ожесточённой борьбы.

Иван Грозный всегда различал власть безбожную (полученную от людей) и власть от Бога, дарованную государям для того, чтобы покарать злых и оберечь добрых, ибо в этом её главное предназначение. Царь, опираясь на опричное войско, сумел осуществить чистку тогдашней «пятой колонны» и существенно ослабить представителей западной идеологии, мечтавших «опрокинуть» Россию и ввести в ней западные порядки. Именно это позволило нашей стране выстоять против внешних и внутренних врагов в период Смутного времени, и на несколько столетий отодвинуло революционные потрясения.

Если в Европе переход к капитализму сопровождался борьбой буржуазии и городского населения с прежними феодальными порядками, то Иван Грозный решил построить в нашей стране нечто вроде «социального государства», говоря словами Солоневича – «народную монархию», включавшую наряду с самодержавной властью мощнейшее местное (земское) самоуправление. А над этими земскими структурами стоял Земский собор, решения на котором принимались не «большинством», а консенсусом. Эта уникальная система, разработанная Иваном Грозным и митрополитом Макарием, спасла страну в Смутное время, когда не было уже ни царя, ни патриархов.

В чём была новизна? Элементы местного самоуправления и до того присутствовали в России, но при царе Иване IV это приобрело всеобщий характер; хотя он дал право населению либо выбирать местное самоуправление целиком, либо получать, просить из Москвы назначенного воеводу. И большинство областей приняли первый вариант, и избирались фактически все государственные чиновники на местах. С одной стороны, они являлись представителями народа, потому что они избирались народом. «Судьи», «полицейские», «налоговые инспектора» (выражаясь современным языком) – все избирались на местах. Они приносили клятву на кресте, целовали крест, почему и назывались «целовальники». С другой же стороны, они одновременно были госслужащими. И за качество своей службы они отвечали собственным имуществом. К примеру, год отслужили – и могли лишиться всего или даже попасть в тюрьму, если совершили серьёзные правонарушения.

Как известно, после развала Золотой Орды её части постоянно воевали друг с другом за наследие бывшей империи, и победило в этой борьбе Царство Московское. Ивану Васильевичу Грозному удалось не просто объединить всё наследие Золотой Орды под своей властью, но и создать основу современного Российского государства, многоконфессионального и полиэтнического. Причём роль станового хребта новой империи выполняли и русские, и тюрки. Сейчас снова перед нашим государством стоит та же задача – восстановить былое величие и объединить народы Евразии.

Иван Васильевич, именно в силу того, что он был царём-интеллектуалом, искал особый путь России и утверждение этого пути. Его главной мечтой было сделать русское государство действительно суверенным, не санкционированным папой Римским или ещё кем-то, а имеющим внутренние основания. И именно поэтому царь пытался создать опору в сословиях земли русской: не для царской власти, которую считал богоданной и не нуждающейся в каком-то оправдании снизу,– а для управления страной.

Рим и государства, созданные по римскому типу, естественно, постоянно пытались если и не сделать своей частью территорию современной России, то, так или иначе, превратить её в своё периферийное приложение. Причём не только Запад этого хотел: Китай точно так же рассматривает нас как «сырьевой придаток» – как в древние времена рассматривал в качестве таковых вошедшие ныне в Россию тюркские земли.

Говорить о современном государстве как о суверенном, нам кажется, вообще не пристало, поскольку вся экономика современной России направлена только на то, чтобы стать «колониальным приложением» к более сильным господам, живущим на Западе или на Востоке. Поэтому наследие Ивана Грозного как человека, который подобную «элиту» в XVI веке поставил под топор, очень важно в политическом понимании. Он, естественно, не был ни социалистом, ни человеком, который исповедовал идеи Нового времени. Но, безусловно, он понимал, что суверенитет страны основывается не на признании русского государя государями английским, французским, китайским и так далее. А только на признании власти божественной и на связи государя с народом.

Не будем забывать о том, что последующие эпохи после Ивана Грозного были во многом временем правящей элиты, которая видит для себя образец только в Западе. Быть периферийной империей – это удовольствие малое, потому что только для правящей элиты периферийная империя даёт ощущение собственной значимости. Иван Васильевич Грозный это понимал, и именно поэтому, будучи ненавидим элитами, в памяти народной он остался «добрым царём».

Иван Васильевич Грозный проводил все свои преобразования с опорой на народ,– на русский народ, прежде всего. Сегодня с этой основой, русским народом, происходит вопиющая несправедливость: составляя 80% населения России и являясь фактически государствообразующим, он не просто не упомянут в Конституции, но и лишён в российской правовой системе какой-либо правосубъектности.

Следующий момент – молодёжь. Если молодёжь не «подберём» мы, патриоты, то её подберут совсем другие люди. Путин победил на выборах, но что будет через шесть лет? В ряде учебных заведений до 40% студентов поддерживают Навального уже сегодня! А через шесть лет они станут «основой» избирателей и «основой» армии. И при этом на молодёжь не находится у государства ни времени, ни средств, если не считать формальных, сделанных «под распил» проектов!

Справедливость в русском понимании – базовая ценность, при Иване Грозном заложенная как часть государственной политики. Справедливость – это не «всем поровну», а «каждому – по заслугам». Все служили, всё было пронизано идеей служения. Справедливость – это не отобрать у какого-то миллиардера и поделить на всех, это – заставить и его служить тоже. Если он не служит, то должен лишиться всего.

Земский собор – прекрасная идея как механизм постоянной связи власти и народа. Такого органа у нас сегодня в политической системе нет. Иван Ильин недаром говорил, что монархию надо ещё заслужить. Так вот, Земский собор тоже надо заслужить. И путь к этому – выстраивание «земских структур» на местах.

Мы часто вспоминаем о советском проекте и о красной империи. Это действительно была хорошая страна со своими безусловными успехами. Но сегодня надо признать, что советский проект – страница перевёрнутая, возврата к нему быть не может. Как и возврата к проекту «Российская империя». Нам надо двигаться вперёд, а если от обоих проектов что-то брать, то только лучшее.

Почему погиб «второй Рим»? Потому что подчинился Ферраро-Флорентийской унии, в результате которой вообще должна была погибнуть восточно-христианская империя. И когда мы говорим о роли Ивана Грозного в созидании основополагающих элементов Русской цивилизации, надо понимать: то, что сегодня в России строится, мы строим по модели западной цивилизации, и в этом – страшная опасность.

Иван Васильевич Грозный создал не партийно-политическое, как на Западе, а поземельно-сословное народное представительство, как это было всегда на Руси. Какие сословия в современной России? Священство – раз, офицерство – два, предпринимательство – три, крестьянство – четыре, интеллигенция – пять. Вот наши основные сословия. Надо раз и навсегда отказаться от западной партийно-политической модели и перейти на сословную.

И последнее: Изборский клуб поддерживает установление в городе Александрове памятника государю Ивану Васильевичу Грозному, инициатива чего принадлежит александровской общественности. Памятник изготовлен, постамент на набережной реки Серой установлен. Призываем местные власти в скорейшее время реализовать этот проект, в необходимости и исторической справедливости которого не может быть сомнений.

Александр Проханов, Виталий Аверьянов, Михаил Кривоносов, Леонид Ивашов, Олег Платонов, Вячеслав Манягин, Максим Шевченко, Владимир Хомяков, Владимир Большаков, Дмитрий Сагалаков, Валерий Севринов.

«Завтра», 2018 год

Василий Александрович Оботуров (2.06.1938–27.04.2008) родился в Вологде. Имя критика, литературоведа и общественного деятеля В. А. Оботурова широко известно не только в Вологодской области, но и далеко за ее пределами. Его статьи, рецензии на вышедшие книги печатались не только в местной, но и центральной печати. Предметом научных интересов В. А. Оботурова была современная литература, современный литературный процесс. Его перу принадлежат книги, монографические очерки о творчестве А. Яшина, С. Орлова, В. Коротаева, С. Викулова. Интересны и самобытны его статьи о творчестве В. Белова и С. Чухина, А. Романова и В. Ширикова. Им составлена и выпущена в свет книга о писателе-вологжанине В. С. Белецком-Железняке. Особое место в творчестве В. А. Оботурова занимает рубцовская тема. Критик был лично знаком с поэтом и память об этом знакомстве, дружбе проходит через всё его творчество. Он – автор книги размышлений о поэзии Н. М. Рубцова «Искреннее слово». Им составлено восемь сборников стихотворений поэта, почти к каждому из них написано предисловие. В. А. Оботуров был составителем и редактором первой книги воспоминаний о поэте, которая явилась в свое время крупным событием в культурной жизни страны. Сразу после выхода книга стала библиографической редкостью. Значительна роль В. А. Оботурова в подготовительных мероприятиях и работах по сооружению и открытию памятника Н. М. Рубцову в Тотьме (1985 год). В. А. Оботуров пользовался заслуженным авторитетом в Вологодской писательской организации, многим из её членов он помогал в своё время в становлении как писателей и поэтов. С 1980 по 1985 гг., а также с 1990 по 1993 гг. В. А. Оботуров являлся ответственным секретарем Вологодской писательской организации; он – лауреат Всероссийской литературной премии «Звезда полей» им. Н. М. Рубцова. Очерк «Из дали еще не дальней» о творчестве писателя Василия Елесина вошел в книгу критика, подготовленную к юбилею Вологодского отделения Союза писателей России «В Буднях. Вологда литературная за 25 лет».

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Василий ОБОТУРОВ

ИЗ ДАЛИ ЕЩЁ НЕ ДАЛЬНЕЙ...

В ДРЕВНЕЙ Тотьме тайною силой обстоятельств судьба свела трех молодых людей, одногодков – Николая Рубцова, Сергея Багрова и Василия Елесина. Не был тогда знаменитым поэт, посмертно получивший широкое признание, а его друзья и вовсе пребывали в безвестности. В самом деле, кому какое дело до чьих-то надежд и чаяний! Но давняя дружба не прошла бесследно: она разожгла страсть к литературному творчеству, внушила высокие представления о роли писателя. Добро с таким багажом дерзать в литературе, но и ответственность великая.

Наверное, прежде всего, поэтому нетороплив был шаг Василия Елесина. Нет, оставаясь журналистом, сначала в Тотьме, потом редактируя районную газету в Вашках, он писал и рассказы, и повести, пробуя разные темы, но не рисковал выйти на суд читающей публики. Человек совестливый и застенчивый, он тем не менее хотел разговора с современником на самые глобальные темы. Обладая жизненным опытом и острым критическим умом, он знал, что сказать читателю, но – как сказать? Ответ на этот вопрос дается мучительно всем молодым писателям да, впрочем, и всегда ли дается...

Своими сомнениями и замыслами делился со мной Василий Елесин в Москве, где мы вместе учились в 1969–1970 годах. Он открывался в долгих откровенных разговорах о литературе и о нашей общественной жизни. Теперь о том времени все говорят сурово, но тогда суровость оценок была не в моде, и как отрадно было сознавать, что есть рядом с тобой друг – честный и понимающий.

Честность перед самим собою присуща Василию Елесину изначально. Острая трезвость суждений о жизни утвердилась с накоплением опыта. А как эти качества отражаются в творчестве прозаика Василия Елесина, мы можем теперь судить по его книгам.

Дебютировал В. Елесин рассказом «Старый дом» (сборник «Пути-дороги», 1975). Тема возвращения к родному деревенскому порогу не была и тогда новой, но даже маститые романисты надеялись порою, что им удастся вернуть людей на село. Молодой писатель иллюзиями себя не тешил: «Вот как отомстила мне деревня. Уйти было не просто, а вернуться... Вернуться куда труднее. Видно, как ни привязывай отломленную ветку к дереву – не прирастет». К такому неутешительному выводу пришел герой Елесина. Не сложилась жизнь Александра Михайловича, хотя и в Москве живет, институт окончил, в управлении служит. Зябко ему в столице, но и домой возврата нет. Каждый жизненный шаг вяжет человека незримыми нитями нравственной ответственности, предопределяя его будущие пути. Психологически чутко, в четких убедительных деталях ведет сюжет В. Елесин, точно воплощая логику характера своего героя и горькую правду жизни.

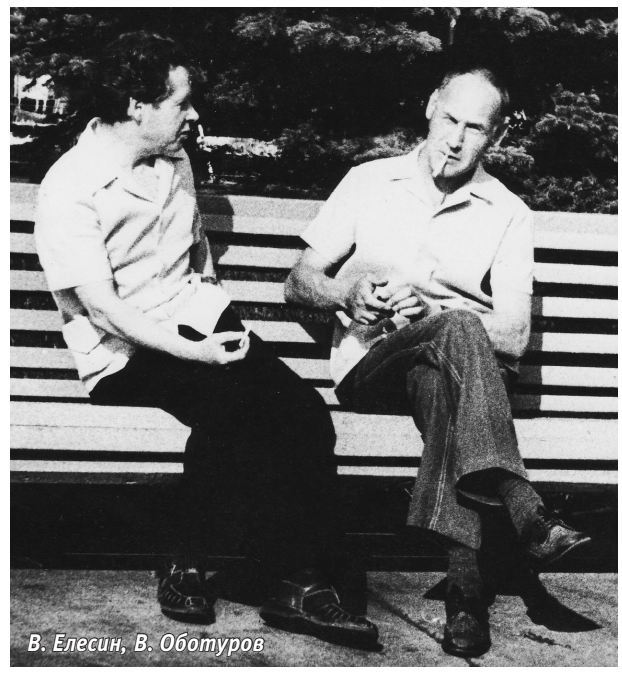
С чего начинаются все вопросы?

Наверное, начинаются с детства – и в прямом, и в отвлеченном смысле. В детских вопросах и ответах на них заложена предопределенность поступков взрослых людей. А часто ли дети знают правду, встречают доверие и внимание, серьезный – на равных – разговор про серьезную жизнь?

Такой разговор ведет Василий Елесин в своих повестях для детей «Пятачок на берегу» (1977), «Одноухий заяц» (1980), «Кремешок» (1982). Они разные, юные герои В. Елесина, год за годом взрослеют, и все более трудные вопросы и испытания ставит перед ними жизнь.

Правда, девочка Нинка («Пятачок на берегу») еще мала и, отправляясь с отцом в путешествие на лодке по родному краю, сама не устает задавать вопросы. Красота северной природы открывается ей в солнечном разливе реки и таинственном молчании ночного леса.

Как бы сама собою жизнь для нее повернется и светлой, и темной стороной. Браконьеры не в сезон подстрелили утку – Нинке жалеть беспризорных утят. Придет огромный лось на водопой или попадется на крючок старый окунь – ей радость открытия... Каждое событие, любой эпизод повести – поучительны. А что скучного


В. Елесин, В. Оботуров

в этой поучительности, если она идет не от слов, но от самой природы, из жизни идет.

Труднее складываются обстоятельства маленькой жизни Кольки Большакова («Одноухий заяц»). Ему еще только в школу идти, а их с матерью отец оставил. Сурова эта жизненная проблема, а открывается она в повседневности будней мальчишек. И пусть порой бывает к нему несправедлива обиженная мать, встретит Колька дружбу сверстницы, серьезное и ласковое внимание взрослого дяди Миши. Порадуется он выхоженному им зайцу, и каким же горьким потрясением станет для него гибель зверька от ружья доброго дяди Миши!..

Писать о таких маленьких героях и для маленьких читателей – дело исключительной сложности. Свободно и неспешно Василий Елесин ведет повествование, чутко улавливая движения души ребенка; слово, поступок – все вызывает непосредственную реакцию автора. Искренностью детей проверяются и оцениваются взрослые – и это не игра писателя в поддавки, но реальность жизни. Даже неоднозначности в поступках взрослых не избегает В. Елесин – в этом особое достоинство его повестей.

Героем повести «Кремешок» стал деревенский мальчишка Ленька Медведев, за плечами которого семилетка, впереди – выбор жизненного пути. По деревенской традиции держаться вместе поехал он с друзьями в Ухту поступать учиться на геолога, но попытаться одолеть конкурс ребята не решились. И стал Ленька учеником в топографическом отряде, а отряду – надолго отправляться в тайгу...

Автобиографические черты отчетливо проступают в повести, которая обращена в начало пятидесятых годов. Те широкие деревянные ступеньки пассажирских вагонов, по каким в новую для них жизнь вошли герои В. Елесина, и каких теперь уже нет, я хорошо помню. Время теперь иное, но опыт постижения жизни в разных поколениях повторим, во многом совпадает, поэтому повесть актуальна и для нынешних дней. Жизнь подростков показана во всей полноте: с воспоминаниями о домашних заботах и школьных друзьях, с новыми делами и обязанностями среди чужих людей, которые должны стать близкими. И становятся.

Не греша комментированием, не прибегая к развернутым психологическим характеристикам – они в динамическом повествовании неуместны, – «диалектику души» молодого героя В. Елесин показывает в действии: в работе и одолении себя, в сложностях отношений, складывающихся с людьми. А люди в нефтеносных местах под Ухтой ох, какие разные!.. Так начинается взрослая жизнь, и этот экзамен Ленька Медведев выдерживает с честью.

Опыт совмещения разных временных пластов и разработки несхожих характеров, который В. Елесин освоил в повести «Кремешок», сослужил свою службу в развернутом повествовании «Раменье» (1986), объединившем несколько сюжетных линий и многих героев. Тут и «колхозная» линия, и снова «школьная» – и это очень удачно, поскольку деревня сама по себе не знает «ведомственной» разобщенности.

Взаимодействие разных планов сообщает повести В. Елесина полнозвучие и необходимый простор для развертывания характеров. Немало книг пишется о деревне наших дней, но редко встретишь в них вот такую всесторонность охвата жизни. Не буду уверять, что каждая проблема, поднятая Елесиным, каждый тип, им изображенный, единственно неповторимы,– повторяется и сама жизнь. Но во всем писатель находит свою точку зрения.

Определенность позиции, заявленная в повести «Раменье», находит свое выражение и в рассказах В. Елесина, включенных в его последнюю книгу, таких, как «Встречи с Валентином Золиным», «Превышение пределов», «Три рубля сдачи». Если первый из названных рассказов – это своеобразный портрет хорошего человека, то последний – своего рода физиологический очерк, резко обозначивший черты бытового и производственного общения, характерные для нашего времени.

Разнообразно работает Василий Елесин, и к подведению первых итогов он пришел, определив свои возможности, интересы и стремления. Время его – пора зрелых свершений, когда писателю уже многое подвластно, было бы стремление к выбору все новых целей, к одолению беспредельного. Верится, так и будет. Ведь светлая память юности – из дали еще недальней – к этому именно и взывает.

ОБ ОСНОВАХ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

ШКОЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН

(Обретения и потери за последние четверть века)

КЛАССИК жив, пока его читают в школе. Как только он исчезает из программы, он медленно, но верно превращается в явление маргинальное, предмет литературоведческого изучения – и только. Как становятся классиками – загадка, и от человеческой воли здесь, судя по всему, мало что зависит. А вот как попадают в число писателей, обязательных для изучения в школе (и как исчезают из этого числа) – вопрос более конкретный, поскольку процесс формирования программных списков – рукотворный. Для подробного освещения истории вопроса понадобится диссертация и, может быть, не одна. Но в целом, оглядываясь на четверть века лихорадочного реформирования российского образования, можно сделать некоторые общие выводы и наметить интересные тенденции.

Итак, что мы утратили и что приобрели?

Мы утратили единый (в смысле – единственный) учебник по литературе, который в советской школе определял как необходимый набор писателей и произведений, так и «правильные» их трактовки.

С начала 1990-х годов стали появляться авторские программы и альтернативные линии учебников, где реализовывались самые разные представления о литературе. Соответственно, список обязательных для изучения писателей отныне должен был определяться в каком-то специальном документе, иначе точек соприкосновения могло не остаться вообще – и школьный литературный канон приказал бы долго жить.

Такими документами стали несколько обязательных минимумов содержания образования (последний – 1999 года), хотя и в них сохранялась высокая доля вариативности: стихотворения перечислялись через «например» (то есть теоретически авторы программ могли выбрать и другие), несколько крупных произведений давались на выбор: «Гроза» или «Бесприданница», «Война и мир» или «Анна Каренина», «Преступление и наказание» или «Идиот», «Отцы и дети» или «Дворянское гнездо», «Тихий Дон» или «Поднятая целина».

В 2004 году был разработан и принят Федеральный компонент государственного образовательного стандарта, где формулировки стали более строгими, из выбора между крупными произведениями – только «Белая гвардия» или «Мастер и Маргарита». Но все равно пространство для маневра у авторов программ и учебников оставалось достаточно широким: отсутствовало распределение произведений по классам, несколько разделов (например, «Проза второй половины XX века») было представлено списками писателей, из которых авторы программ, учителя и даже учащиеся могли выбирать самостоятельно.

Затем были утверждены Федеральные образовательные стандарты нового поколения (2010 – основная школа, 2012 – старшая школа). Их главной особенностью стал принципиальный отказ от задачи определить конкретное предметное содержание. То есть никакого перечня обязательных авторов и произведений в этих стандартах (ныне действующих) – нет. Содержание теперь стало определяться т.н. «Примерными программами», которые имеют более низкий юридический статус и в которых степень вариативности значительно возросла: обязательные произведения занимают не более четверти от всего списка.

Наконец, в 2017 году был обнародован проект доработанного стандарта основной школы. В этом проекте предметное содержание вновь вернулось в документ, причем в достаточно жестком виде: с обязательным

ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИВА

ИЗ ЖИЗНИ РЕДАКЦИИ «КРАСНОГО СЕВЕРА»

В ЧЕСТЬ столетия газеты «Красный Север» Вологодский областной архив новейшей политической истории представил документы, посвященные трагическим событиям 1937 года из жизни редакции старейшего печатного издания. Среди сотрудников «Красного Севера», ставших «врагами народа», фигурирует фамилия некогда известного, а ныне забытого поэта-журналиста Евгения Забелина.

За участие в троцкистской группировке, якобы существовавшей в редакции, ставившей перед собой «задачу совершения террористических актов над руководителями ВКП(б) и Советского правительства», Евгений Николаевич был приговорен в апреле 1938 года к тюремному заключению на десять лет с поражением в избирательных правах на пять лет и конфискацией имущества.

Биография Евгения Забелина хранит в себе немало тайн. Однако по материалам, собранным омскими исследователями его творчества, уже можно снимать сериал. Наша публикация о жизни вологодского периода поэта снимет немало «белых пятен» судьбы, бесспорно, талантливого человека.

От эпитафий до «Известий»

При рождении Евгений Забелин носил другое имя – Леонид Савкин. Мальчик появился на свет 5 августа 1905 (по другим данным 1908) года в многодетной семье священника Омской губернии Николая Афанасьевича Савкина. Отец Николай был весьма уважаемым в городе Тюкалинске человеком. В 1906 году он был избран депутатом I Государственной думы, но отказался от депутатского мандата в пользу крестьянина.

После занятия Омска красными в жизни Савкиных наступили трудные времена. Одним из источников существования семьи стала весьма специфическая работа Леньки. За деньги он сочинял рифмованные эпитафии к надгробиям бывших прихожан отцовской церкви. Однажды на кладбище забрел известный омский литератор Антон Сорокин. Он так зачитался надгробными виршами, что потребовал немедленно представить ему автора. Вскоре Сорокин ввел подростка в местные литературные круги. В 16 лет начинающий поэт стал участвовать в собраниях «Омской артели писателей и поэтов» и печататься в местных газетах.

Тогда же появился его псевдоним – Евгений Забелин. По одной из версий его придумал все тот же Антон Сорокин. По другой – на смене настоял отец Леонида – священник, уже подвергавшийся притеснению со стороны советской власти за поддержку Колчаковского движения, хорошо понимал, что парню лучше дистанцироваться от семьи. Не возражали родители и против переезда Леонида-Евгения в Москву в 1929 году. Впрочем, для смены прописки у Евгения Николаевича была и другая причина.

В 1920-е годы поэты и писатели по всей стране формировались в литературные группы. В одном из таких объединений – группе «Памир», состоял и Забелин. Название ее придумал Леонид Мартынов, в будущем также литературный сотрудник «Красного Севера». Главной задачей «Памира», как потом, уже в 1930-е годы, заявляли на следствии ее члены, была «борьба партийного руководства с литературной Сибирью». Вменялась им в вину и идея создания независимой Сибири. Факт есть факт – адмиралу Колчаку посвящали свои неопубликованные стихи и поэмы Марков, Забелин и Мартынов, мать последнего, кстати, происходила из Вологодской губернии.

В 1929 году многие «памирцы» были вынуждены перебраться в Москву. В столице платформа «Памира» сразу же подверглась критике со стороны руководства Российской ассоциации пролетарских писателей. После XVI съезда ВКП(б) бывшие члены группы «Памир», жившие в Москве, организовали новую литературную группу «Сибирская бригада». Стержнем ее политической программы был вопрос о судьбе русского крестьянства после коллективизации. В столице Забелин стал постоянным автором многих столичных журналов. Его произведения печатались в «Известиях» и «Новом мире».

Весной 1932 года «Сибирская бригада» была ликвидирована ОГПУ. На основании показаний арестованных, их нелегальная контрреволюционная и антисоветская организация ставила перед собой задачу – через литературные произведения вести широкую антисоветскую агитации. От расстрела литераторов спасло возвращение Максима Горького из Италии и подготовка и проведение I Всесоюзного съезда советских писателей.

Выдержки из дела «Сибирской бригады» были впервые опубликованы в 1992 году литературным критиком Станиславом Куняевым. В допросах заключенных, в том числе и Евгения Забелина, участвовал следователь Николай Шиваров, через которого впоследствии прошли Николай Клюев и Осип Мандельштам.

За Евгением Забелиным пришли 7 марта 1932 года. 2 июля он был приговорен к ссылке под административный надзор в Северный край. Работал продавцом в книжном магазине в Сыктывкаре. Осенью 1933 года попросил перевести его в Пезмог на стройку лесного комбината. Здесь поэт познакомился с Анастасией Преображенской, вскоре ставшей его женой. 15 ноября 1934 года после пересмотра дела, Евгений Николаевич был досрочно освобожден. Вместе с супругой поселился в подмосковной Тарасовке. В начале 1936 года молодые с новорожденной дочерью Натальей приезжают в Вологду, где работал отец Анастасии. Здесь у них через год родилась вторая дочь – Ольга.

Забелины поселились в деревянном доме на улице Лассаля (ныне Зосимовская), д. 28б, кв. 6. Здесь у поэта был свой «кабинет» – он подолгу пропадал в темном чулане, где писал свои произведения на отрезах бумаги из типографии «Красного Севера». Все литературное наследие вологодского периода поэта было конфисковано при аресте сотрудниками НКВД.

Из подшивок «Красного Севера» мы знаем, что Евгений Забелин публиковал в газете стихи к революционным датам, рецензии на кинофильмы и спектакли. После рождения дочерей в его творчестве появляются и детские произведения.

Виновным себя не признаю!

Копии страниц из уголовного дела № 12877 по обвинению Евгения Забелина в контрреволюционной деятельности в редакции газеты «Красный Север» нам показал сотрудник архива Сергей Старостин. Отметим сразу, с позиций сегодняшнего дня показания Евгения Забелина выглядят не очень красиво, однако нам неизвестно, при каких условиях они выбивались.

27 октября 1937 года в первый же день своей работы в Вологде только что назначенный начальником областного УНКВД печально известный своими репрессиями на Вологодчине майор госбезопасности Сергей Жупахин утверждает постановление об аресте литсотрудника-журналиста Забелина. Участники контрреволюционной группы, куда входил Евгений Николаевич, «игнорировали и саботировали в газете важнейших политических и хозяйственных кампаний, в то же время в газете помещали политически вредные фельетоны и стихи. Предоставляли газету завзятым врагам Советской власти, на страницах газеты популяризировали классово-чуждых людей, кулаков. В то же время травили честных и преданных Советской власти. Саботировали сигналы трудящихся о серьезных неблагополучиях в городе и деревнях Вологодского района».

Следователи припомнили журналисту и его непролетарское происхождение, смену фамилии и ссылку.

Из протокола допроса Е. Н. Забелина:

«По отбытии срока ссылки в марте месяце 1937 года я поступил на работу в качестве литературного сотрудника в редакцию газеты «Красный Север». Редактор газеты Шульгин Клавдий Иванович, зная о моей прошлой антисоветской деятельности и судимости, тем не менее, на работу меня принял охотно. В редакции я сразу же столкнулся с фактом засоренности аппарата редакции социально чуждым элементом и с атмосферой распущенности, пьянства и наличия среди работников редакции антисоветских настроений».

Арестованный показал, что контрреволюционная группа сформировалась вокруг редактора. В ее состав вошли замредактора Ушков, завпромотделом Новицкая, завотделом информации Жильцов, литсотрудник Мясников.

«Указанные лица относились к своей работе преступно. Они систематически помещали в газете «Красный Север» статьи, фельетоны, заметки нередко антисоветского содержания... В газете очень часто допускались различного рода опечатки и искажения, придававшие публикуемым материалам антисоветское содержание. Лично мною по заданию редактора Шульгина давались в газету пасквильные заметки («Живой покойник», «Хлеб с гвоздями» и др.), придававшие газете обывательский, мелочный облик. В результате всего этого газета «Красный Север» дискредитировалась как орган большевицкой печати» – написал в протоколе следователь. Эти слова завизированы подписью Забелина.

При этом Евгений Николаевич отверг обвинения в свой адрес, как члена контрреволюционной троцкистской группы.

Газета «Красный Север», 1 апреля 1937 года

«Скажи быстрей, который час?
Я на вопрос отвечу сжато
Везде по городу у нас
Висят часы без циферблата

И нам приходится опять
По солнцу время узнавать.
Ну, а положим, на несчастье
Наступит в городе ненастье?

Из дому выйдешь, взглянешь – нет
На небе солнечного света.
Как быть? Не знаю! Пусть на это
Тебе ответит горсовет!

Евг. Забелин

Из обвинительного заключения:

«УГБ УНКВД по Вологодской области в г. Вологде ликвидирована контрреволюционная, троцкистско-террористическая организация в редакции газеты «Красный Север». Допрошенный в качестве обвиняемого Забелин виновным себя не признал, но уличается показаниями обвиняемых Шульгина, Соколова-Эннского, Жильцова, Ушкова, Окладникова, свидетеля Крицына».

28 апреля 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР под руководством бригвоенюриста Д. Я. Кандыбина приговорила Е. Н. Забелина к десятилетнему тюремному заключению с конфискацией принадлежащему ему имущества.

Из лагерного письма Евгения Забелина от 4 июня 1941 года супруге:

«Не теряю надежды встретиться с тобой и детьми, так как крепко верю в нашу советскую справедливость. Уверен, что разберутся в моей невиновности, реабилитируют меня как советского человека и писателя и восстановят в правах гражданина нашей страны. Мое дело находится у военного прокурора Архангельской области – прошу тебя, узнай, в каком положении, что нужно предпринять, чтобы его быстрее рассмотрели. Кроме этого, огромная просьба – вышли продуктовую посылку (если сможешь): сахару, масла или сала, сухарей, чая. Если не сможешь этого сделать, то переведи рублей 150–200. Также, во что бы то ни стало, вышли фотографии себя и ребят... Крепко целую тебя и дочерей – Наташу и Олю».

По официальной справке заключенный Севвостоклага Евгений Николаевич Забелин умер от паралича сердца в январе 1943 года в Магадане в возрасте 38 лет.

Реабилитирован по делу «Красного Севера» Военной коллегией Верховного суда СССР 26 октября 1957 г. Реабилитация по первому делу состоялась только 17 апреля 1989 года.

Первая книга стихов Евгения Забелина вышла в Омске в 1990 году.

К сведению

Вот как сложилась судьба людей, упомянутых в материале:

Савкин Николай Афанасьевич (1875–1930) – священник. В 1918 года приговорен Омским ревтрибуналом по обвинению в контрреволюционной деятельности к штрафу в размере 3000 рублей или к шести месяцам общественно-принудительных работ в тюрьме. Реабилитирован в 1997 году.

Марков Сергей Николаевич (1906–1979) – русский советский поэт, прозаик и историк. Действительный член Географического общества СССР. В 1912 году семья Марковых переехала в Вологду, в 1914 году – в Грязовец. Арестован в 1932 году. Ссылку отбывал в Архангельске, где работал в газетах. Участник Великой Отечественной войны. По инициативе Маркова сооружен памятник-маяк нашему земляку Семену Дежневу на мысе Дежнева, восстановлена Триумфальная арка в Москве.

Мартынов Леонид Николаевич (1905–1980) – русский поэт и журналист. Лауреат Государственной премии СССР 1974 года. В 1932–1935 годах отбывал ссылку в Вологде. Жил на улице Кузнецкой, 17 (ныне Авксентьевского). Работал в газете «Красный Север», где встретился с будущей женой – Ниной Поповой. Супруги вернулись в Омск. Во время войны работал в Омском пехотном училище. В послевоенное время занимался переводами. Многие его стихи стали песнями.

Преображенская Анастасия Ивановна (1915–1957). Жена Е. Н. Забелина и дочери репрессиям не подвергались.

Сергей Георгиевич Жупахин (1888–1940) – начальник Управления НКВД по Вологодской области, майор государственной безопасности. Входил в состав особой тройки НКВД СССР. Депутат Верховного Совета РСФСР 1-го созыва. Проявил особое рвение в выявлении «врагов народа» во властных структурах. Арестован 14 декабря 1938 года. Расстрелян. Не реабилитирован.

Дмитрий Яковлевич Кандыбин (1889–1955) – сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД. С 1935 по 1945 гг. – член Военной коллегии Верховного Суда СССР. Арестован в 1950 году, однако уголовной ответственности за вынесение неправосудных приговоров не понес.

Шульгин Клавдий Иванович (1905–1938) – в 1936–1937 годах – редактор «Красного Севера». Не только писал статьи и заметки, но и рисовал карикатуры. Дружил с писателем Аркадием Гайдаром. Арестован в октябре 1937 года. Расстрелян весной 1938 года.

Евгений СТАРИКОВ

распределением произведений по классам. Таким образом, появляется реальная возможность для создания единого учебника – как это было когда-то, в советское время. Круг замкнулся?

Мы утратили многое из того, что составляло основу советской школьной программы. Практически исчезли из документов – затем из авторских учебников – а потом из круга читательских интересов – социально ориентированные произведения XVIII–XIX вв., например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, думы К. Ф. Рылеева и т. д. Стала «периферийной» т. н. «советская классика»: современные школьники не обязаны изучать А. Н. Толстого, А. А. Фадеева, Н. А. Островского, Б. Н. Полевого, роман М. Горького «Мать» и др. Значительно сократилось число обязательных для изучения произведений фольклора и древнерусской словесности, литературы народов России. Что взамен?

Поэзия Серебряного века. Литература русской эмиграции. В более широком смысле – «возвращенная литература». Е. Замятин и А. Платонов; О. Мандельштам и Б. Пастернак; И. Бродский и А. Солженицын.

Современная литература занимает в программах все более значительное место. Но и представление о том, что такое современная литература, меняется. С одной стороны, потому, что понятие современность – объективно «подвижное». С другой стороны, именно современность – понятие наиболее политизированное, часто не связанное с реальными художественными достижениями того или иного писателя. И вот здесь возникает возможность попасть в классики, минуя проверку временем. Так сказать, экспресс-методом. Для достижения этой цели любые средства хороши. Тем более, что на протяжении последних двадцати лет доступ к разработке нормативных документов в образовании был открыт, прежде всего, для «либерального крыла» профессиональной общественности, да и министры образования, кроме О. Ю. Васильевой, были яркими представителями именно этого крыла.

Для наглядности можно сравнить два списка современных писателей: из стандарта 2004 года (1) и из примерной программы 2015 года (2).

1. Ф. А. Абрамов, Ч. Т. Айтматов, В. П. Астафьев, В. И. Белов, А. Г. Битов, В. В. Быков, В. С. Гроссман, С. Д. Довлатов, В. Л. Кондратьев, В. П. Некрасов, Е. И. Носов, В. Г. Распутин, В. Ф. Тендряков, Ю. В. Трифонов, В. М. Шукшин; Б. А. Ахмадулина, И. А. Бродский, А. А. Вознесенский, В. С. Высоцкий, Е. А. Евтушенко, Ю. П. Кузнецов, Л. Н. Мартынов, Б. Ш. Окуджава, Н. М. Рубцов, Д. С. Самойлов, Б. А. Слуцкий, В. Н. Соколов, В. А. Солоухин, А. А. Тарковский; А. Н. Арбузов, А. В. Вампилов, А. М. Володин, В. С. Розов, М. М. Рощин.[1]

2. Д. Бакин, Ю. В. Буйда, Б. П. Екимов, А. В. Иванов, В. О. Пелевин, В. А. Пьецух, Т. Н. Толстая, Л. Е. Улицкая; Д. Л. Быков, С. М. Гандлевский, Т. Ю. Кибиров, Ю. М. Кублановский, Л. В. Лосев, Г. А. Русаков, Б. Б. Рыжий, О. А. Седакова, Е. А. Шварц.[2]

Попробуем подвести итоги. От жестко закрепленного списка советского времени через разгул плюрализма и альтернативности мы вновь возвращаемся к идее необходимости такого списка, защищенного документально. Понимая, что единство образовательного пространства скрепляется в том числе и книгами, которые прочитал каждый. Иначе мы просто перестанем понимать друг друга.

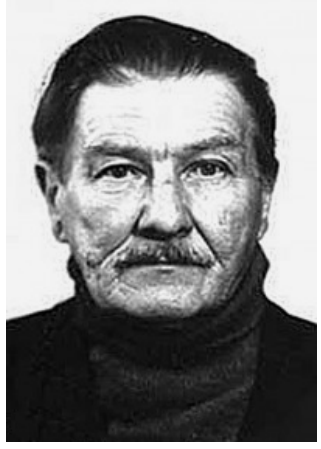
Но борьба вокруг наполнения этого списка идет нешуточная: под ударом может оказаться вообще вся классическая литература XIX–XX столетий как якобы устаревшая, непонятная для современного подростка, трудная для прочтения, слишком объемная и «взрослая». Взамен настойчиво предлагается «актуальная» современная словесность, представленная именами определенной общественно-политической направленности.

А это значит, что школьный литературный канон – по-прежнему одна из болевых точек отечественного образования. Классик жив, пока его читают в школе. Защитить его от смерти – наша общая обязанность.

Алексей ФЁДОРОВ (г. Москва),
кандидат филологических наук,
заведующий редакцией литературы
издательства «Русское слово»,
учитель литературы

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Олег КВАНИН



Кванин Олег Семёнович родился 26 апреля 1913 года. В 1939 году окончил топографическую школу МВД в Детском селе Ленинградской области. Трудился на предприятиях и в организациях Москвы и Ленинграда. С 1958 года жил на Вологодчине. Сначала О.С. Кванин работал бригадиром строительной бригады треста «Промстрой», а с 1959 года – пастухом в совхозе «Аврора» в Бушуихе Грязовецкого района Вологодской области. Участник Великой Отечественной войны. Награждён четырьмя медалями. Олег Кванин является автором сборников сатирических и лирических стихов, таких, как: «Знаем вас!» (1960), «Не без клякс» (1965), «Синь» (1976). Известный советский поэт Михаил Дудин, лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического труда, давая рекомендацию в Союз писателей СССР О.С. Кванину, высоко оценил творчество самобытного русского поэта: «...многообразная мозаика современной русской поэзии без грани таланта Олега Кванина будет все-таки не полной». Виктор Астафьев в книге «Затеси» написал: «Витя (Коротаев) часто читал живущего в вологодской деревне Бушуихе Олега Кванина, очень складного, очень ладного, из чисто народного родника золотинкою вымытого стихотворца». О.С. Кванин трагически погиб 19 января 1978 года.

ЧТОБЫ БЫЛ ТВОЙ ПОКОЙ НЕРУШИМ...

* * *

Неповторим Северо-Запад.
Неповторим... Неповторим,
Как сочной хвои бодрый запах,
Неповторимо слитый с ним,
Как близкие глаза любимой,
Как высвист первого дрозда,
Как ранняя неповторима
Над пашней белая звезда.

СИНЬ

Еще шуршит снежок,
Но лес уже коричнев.
И звонко, и свежо
Цвинь-цвиньканье синичье.

Все ярче медь сосны
И серебро осины,
И для большой весны
Уже хватает сини.

* * *

Не могу я без Севера... Не могу
Без оранжевых сосен в лохматом снегу,
Без охотничьих игрищ горбатых язей,
Без тяжелой луны, обагряющей рожь,
Без весенних, прозрачных, березовых рощ
Не могу,
Как без старых друзей!

ТАКАЯ НОЧЬ

Во весь размах окна
Луна
Сверкает раскаленно,
И тлеет ветка клена...

Ночь как из давней сказки,
Как на рисунке детском –
Так сочны эти краски!
Так просто все и дерзко!

* * *

Разговариваю с воробьем –
И примолк, и перышки взъерошил.
– Снова осень!.. Осень, мой хороший!
Ничего, держись. Переживем!

* * *

Здесь славные ночи, здесь рано светает
И розов, и зябок весенний рассвет.
В березовой роще кому-то считает
Кукушка остаток недожитых лет.

Кому-то наивный обман этот нужен...
Как четок, округл ее крик в тишине!
Кому ж ворожишь ты, гадалка? Кому же?
Стою и считаю... А может быть, мне?

Ужель и меня это ныне тревожит?
Угрюмит висков и бровей седина?
Нет, старая лгунья,
Мой век мной не прожит!
Но что ж ты умолкла? Считай!
Тишина...

* * *

Вхожу в березовую рощу.
Светло. И даже странно мне,
Что было сумрачно, как ночью,
И глухо в хвойной тишине.

Там и грибами пахло резче,
И папоротником резным.
А здесь еще все длится вечер
Березовой голубизны.

И даже птицы не молчали
И небо не сменило цвет.
Казалось, сами излучали
Березы этот свет.

ИЗ ПИСЬМА К ДРУГУ

...Живу в селе, и не тоскую,
И не кляну свою судьбу.
И на квартиру городскую
Не думаю менять избу.

К чему? Чтоб быть здесь гостем редким,
Бродить в лесу до первых звезд
И радоваться, как из клетки
На волю выпущенный дрозд?

* * *

Ох уж эти волчьи ночи
Без луны и без звезды,
С ветром, воющим по-волчьи.
И предчувствием беды!

Так и мнится: в мгле промозглой
Кто-то бродит без примет...
Не с того ль в избе так долго
Не гашу я ночью свет?

Словно сам бреду я рядом
Черным полем без дорог
И ищу усталым взглядом
Дальний этот огонек.

В БЕЛОМ ПОЛЕ

В белом,
В белом поле голо.
Вдоль дороги волчий след.
От луны исходит холод,
Сильный холод, а не свет.

Хоть бы ветер, что ли, вынес
Скрип полозьев, дальний лай...
Тихо... Словно мир весь вымерз.
Обезлюдел отчий край.

А ведь нужно так немного:
Прогорлань петух в селе –
И уже родней дорога.
И округа веселей!

* * *

Юг писан маслом,
Север – акварель.
Прозрачная,
Как солнечный апрель.

Вот этой ясности
И доброй силе чувств
У Севера учился
И учусь.

ВОЛОГДЕ

Люблю,
Люблю тебя вечернюю,
В морозном ярком январе,
Как бы исполненную чернью
На серебре.

Люблю и мартовскую,
Тусклую.
Когда снегам дожди грозят.
Люблю тебя –
Такую
Русскую.
Что не любить тебя нельзя!

* * *

Все будет так же, будет так же.
Все как при мне и без меня:
И тихий снег на крыши ляжет,
И вновь капели зазвенят,
И так же будут никнуть вербы
И петь на зорях петухи...
Не смог бы я без этой веры
Писать весенние стихи!

ПОСВЯЩЕНИЯ

В. Шукшину

Не пьянили известность и слава.
Не теряя и малых минут,
Ты воспринял их просто: как право
На бессонный и яростный труд.

И – устал. Я бы даже для близких,
Чтобы был твой покой нерушим,
Написал на твоем обелиске:
«Тише:
Здесь
Отдыхает
Шукшин!»

Н. Рубцову

Умрет звезда. Сгорит. Но тихий свет
Еще струится из глубокой сини...
Так, умирая, истинный поэт
Не угасает в памяти России.

Я не звезда. Сгорю, как метеор.
И все же пусть на малое мгновенье,
Но озарю заснеженный простор
И в нем свое далекое селенье.

* * *

Неужели время упустил я –
Шел всю жизнь не так и не туда?..
И душа под осень загрустила,
Как над мокрым полем провода.

Неужели миновал устало
Я последний знак свой верстовой,
Или мне зима еще осталась
С неоглядной ширью снеговой?

Что ж, тогда пойду дорогой зимней
Среди этой снежной тишины.
Говорят, зимой дороги зримей
Даже снежной ночью, без луны...

* * *

Все, друг мой, неповторимо.
Все в первый и последний раз...
Вот за окном проходит мимо
Лес, в вальсе медленном кружась.

Бегут столбы почти наклонно.
И трудно тянут провода.
И вздрагивает на оконном
Стекле зеленая звезда.

Все это вновь возникнуть может,
Все то же, через много лет,
Но лишь как грустная похожесть
Того, к чему возврата нет.

Адрес издания: literator35.ru
Адрес электронной почты: ioann-7772006@yandex.ru
Издание подготовлено к печати при поддержке депутата ГД РФ Е.Б. Шулепова.

Главный редактор А.А. Цыганов.
Редакционная коллегия: С.П. Багров, Р.А. Балакшин, В.Н. Бараков, М.И. Карачев, О.И. Ларионов, Ю.М. Максин, О.А. Фокина.
Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не рецензирует и не возвращает. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Тираж издания 1000 экз.
В розницу цена свободная.
Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России».
Адрес: 160000, г. Вологда, ул. Герцена, 36.

Номер сверстан и отпечатан в ООО ПФ «Полиграф-Периодика». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Зак. 1348. Подписан в печать по графику: в 12.00, фактически – 22.06.2018 г. в 12.00. Выход в свет – 26.06.2018 г.